

Егор Классен

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
для
ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН ВООБЩЕ
и
СЛАВЯНО-РУССОВ
до
РЮРИКОВСКОГО ВРЕМЕНИ В ОСОБЕННОСТИ
с
ЛЕГКИМ ОЧЕРКОМ ИСТОРИИ РУССОВ
ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Выпуски 1-3

1854

МОСКВА

1999

ББК63.3(2)
К 476

Егор Классен

Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славянов-Руссов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. Выпуски 1—3. 1854—1861. — М.: Белые альвы, 1999. — 320 с., ил.

Современное издание уникальных одноименных книг (три выпуска) российского дворянина, по происхождению немца, Егора Ивановича Классена, русского подданного с 1836 г. Текст оригинала сохранен полностью, иллюстрации и художественное оформление выполнены заново, описания памятников, объясняющих славяно-русскую историю, составленные Фадеем Воланским и переведенные Е. Классеном, объединены в один раздел.

Для многих эта книга станет откровением и открытием. Пусть состоится и то и другое во имя нашей святой Руси.

Для историков, ученых, педагогов-воспитателей, политиков, учащихся всех ступеней образования и всех, кому дороги истинная история и слава Славяно-Руссов.

ISBN 5-7619-0094-7

© «Белые альвы», 1999.

© Гусельников А.В., худ. оформление, 1999.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Положим и мы свой камень к общему основанию истории Славян-Руссов». Так писал почти полтора столетия назад Егор Иванович Классен в своих уникальных книгах, исторически отточенных, выверенных и захватывающих.

Классен Егор Иванович (1795–1862), преподаватель, автор научно-образовательных книг и учебных пособий. Российский дворянин, по происхождению немец; русский подданный с 1836 г. Учился в Архитектурном училище Экспедиции кремлевского строения (с 1811 г.), одновременно числясь в нем на службе подканцеляристом, а с 1816 г. — канцеляристом. В 1825 г. в чине коллежского секретаря поступает учителем российского гражданского права в Московскую практическую коммерческую академию, где вскоре утверждается секретарем Совета академии, а в 1831 г. — попечителем академии.

В 1826 г. входил в Комиссию по коронации Николая I. Одновременно, начиная с 1830 г., Классен немало времени посвятил сочинительству. Написал ряд научно-образовательных работ, связанных с различными областями его профессиональной и преподавательской деятельности. Отзываясь на широкий общественный интерес в середине века к памятникам русской истории, Классен выпустил очерковую книгу “Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до рюриковского времени в особенности, с легким очерком истории руссов до Рождества Христова” (в. 1–3, М., 1854–1861), сопроводив каждый выпуск “Описанием памятников, объясняющих славяно-русскую историю”, составленным Ф. Воланским в собственном переводе и со своими примечаниями. В исторических суждениях (в том числе о существовании письменности у древних славян до принятия христианства) Классен опирался на памятники материальной и духовной культуры народа — надгробные и другие надписи, названия племен и народов, имена людей, легенды и народные песни.

Многостороннюю и активную деятельность Классена, особенно на ниве образования и благотворения, оценили как общественность, так и правительство, вручившие ему ряд орденов и других наград. (Русские писатели. 1800–1917 гг. Биографический словарь. — М., 1992. — Т. 2. — С. 548.)

Высочайший патриотизм, интеллигентность, безупречность используемых фактов, беспредельная любовь к России пронизывают книгу, которую Вы держите в руках. В этом современном издании целиком сохранен текст оригинала. Иллюстрации и художественное оформление выполнены художником Андреем Гусельниковым, с трепетом работавшим над ними.

Сегодня, как никогда, необходимо осознание своих корней и предназначения. Издательство «Белые альвы», отдавая дань Предкам и Истине, вносит новым изданием уникальнейшей книги Егора Классена свой вклад в сокровищницу истории Славяно-Руссов. Завершим же это предисловие словами самого автор:

«Созвучность выводов из этих материалов дает нам не только что надежную точку опоры, но и рисует ясный облик древнейшей славяно-русской истории.

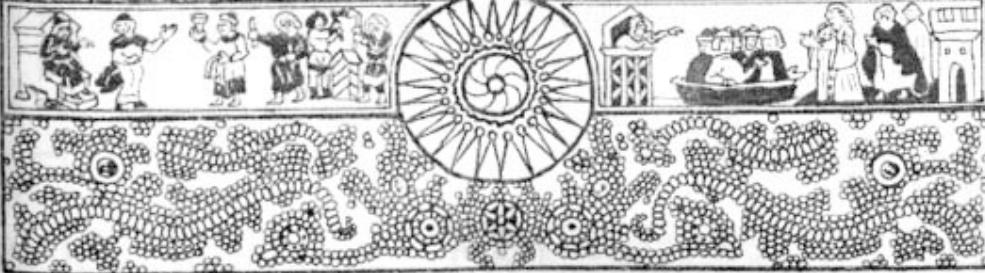
...мы обязываемся представить просвещенным читателям несколько новых faz древней Славянской Руси, могущих служить точками опоры для развития нити древней Русской истории и для совершенного поражения лжеучений школы скандинавоманов!

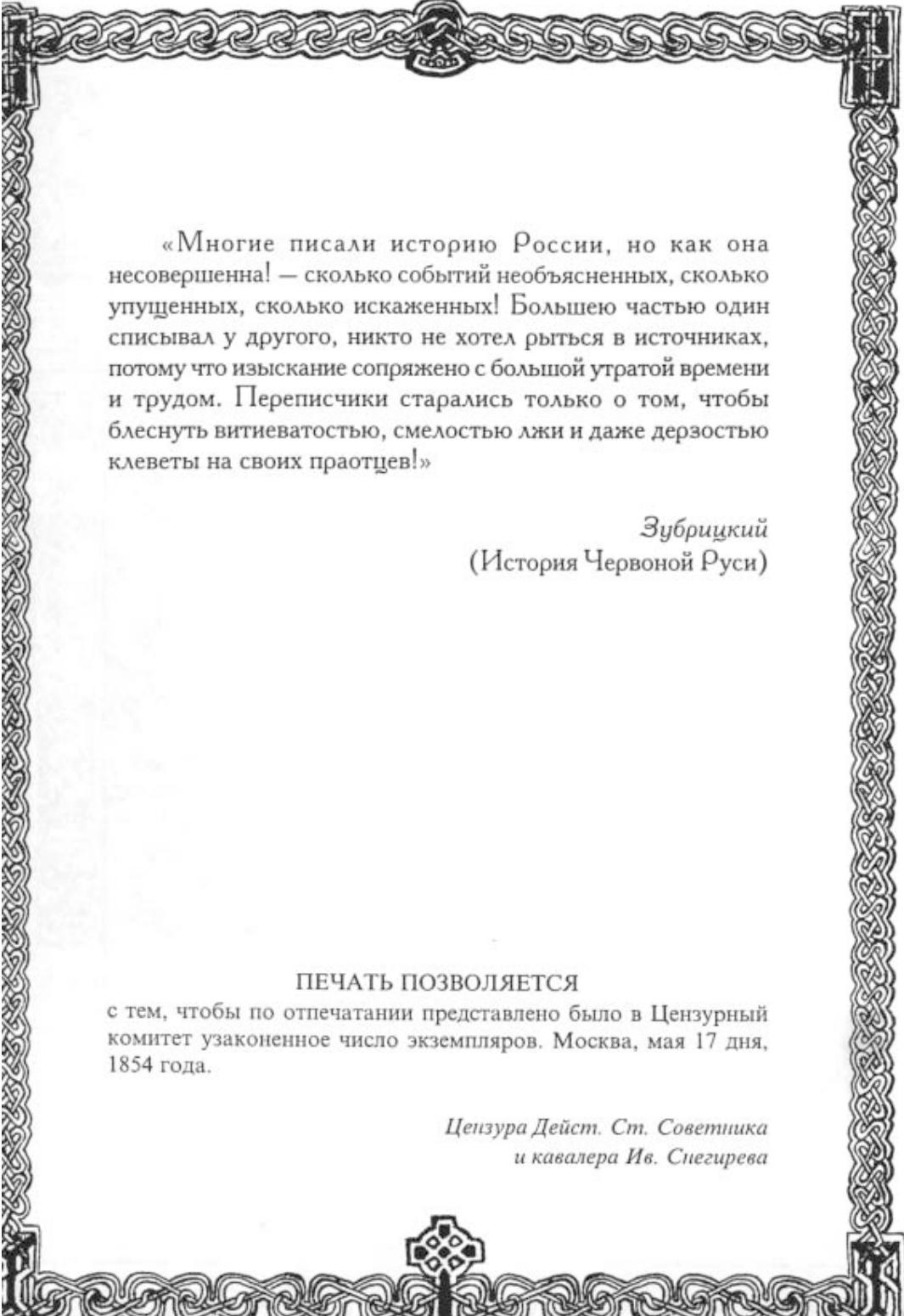
При дальнейшем разборе надписей на памятниках славянских, которые в числе тьмы тем рассыпаны по лицу земли, образуется, конечно, и возможность соединить всю древнюю Русь с новой в неразрывную цепь и в постоянно гигантском размере.

Конечно, подвигаются такие труды медленно вперед; пойдем и мы медленно, не спеша, но верною стопою и пожелаем: да свершатся они к чести и славе России!

...Заключим это рассуждение тем, что слава славных не пройдет от зависти и клеветы неразумных крагов их!»

Выпуск I

«Многие писали историю России, но как она несовершена! — сколько событий необъясненных, сколько упущеных, сколько искаженных! Большею частью один списывал у другого, никто не хотел рыться в источниках, потому что изыскание сопряжено с большой утратой времени и трудом. Переписчики старались только о том, чтобы блеснуть витиеватостью, смелостью лжи и даже дерзостью клеветы на своих праотцев!»

Эубрицкий
(История Червоной Руси)

ПЕЧАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Цензурный
комитет узаконенное число экземпляров. Москва, мая 17 дня,
1854 года.

*Цензура Дейст. Ст. Советника
и кавалера Ив. Снегирева*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всё почти народы, кроме народа Божия, начинают свою историю с какой-либо сказки, ставя в главу ей и родоначальника, давшего народу свое имя.

Но Русская история начата с такого периода, когда Русь представляла огромное звено, сильный народ, заселявший собою уже несколько сот тысяч квадратных верст; богатый торговлей и промышленностью и разделенный на два главных государства, кроме нескольких малых, из которых одно — южное или Киевское — гроза для Византии — осиротело, лишившись правителей, а другое — северное, или Новгородское, отжив века республики, подверглось уже обыкновенным ее следствиям, т.е. всеобщему разъединению и совершенному разладу в делах управления, и для спасения своей самобытности бросилось в объятия монархической власти, призвав к себе правителя — Князя из соплеменного себе народа.

Тут уже нет мифологического лица, поставленного родоначальником народа; нет сказочных исполинов с волшебным оружием; нет волчицы — воспитательницы, не поставлен в праотцы Юпитер или Плутон, или какое-либо земноводное чудовище. — Нить Русской истории начинается с того периода, когда Россия представляет собою уже огромное политическое тело, свидетельствующее как своей огромностью, так и своим разладом, что оно существовало уже за много веков до этого периода.

Это заключение основано не на вымысле или предположении, но на фактах, которые затерты, затемнены пустословием некоторых западных историков; оно основано на выводах из естественных законов, по которым образуются, возвышаются и падают царства и народы, и на строгом критическом разборе сказаний древних.

Факты, служащие основанием для созиждения древнейшей Русской истории, долго лежали под спудом не разобранные, не рассмотренные и не пропущенные сквозь горнило здравой и беспристрастной критики, подобно тому, как Геркулан скрывался несколько веков под пеплом. Между тем история древнейшей славянской Руши так богата фактами, что везде находятся ее следы, вплетшиеся в быт всех народов Европейских, при строгом разборе которых Руши сама собою выдвинется вперед и покажет все разветвление этого величайшего в мире племени.

Хотя путь к тому, по обширности своей, довольно трудный, но уже несколько знакомый; по нему пускались Катанчик, Венелин, Шаффарик, Савельев-Ростиславич и многие другие и — скажем с благодарностью — не без успеха. Некоторые германские историки занимались также добросовестно Русскою историей, но редко встречающееся у них в одном лице знание всех главнейших славянских наречий и происшедших в течение веков перемен в них от внутреннего развития слова и от соседнего влияния, также малое знакомство их с характером, нравами, обычаями, домашним бытом и внутренним движением славянского мира, затрудняло это дело.

Не станем много говорить о тех, которые ставили себе в обязанность унижать все то, что относится до Славян, в

особенности же до Руссов; к этим недобросовестным лицам принадлежат: Байер, Мюллер, Шлецер, Гебгарди, Паррот, Галлинг, Георги и целая фаланга их последователей.

Они все русское, характеристическое усвоили своему племени и даже покушались отнять у Славяно-Руссов не только их славу, величие, могущество, богатство, промышленность, торговлю и все добрые качества сердца, но даже и племенное их имя — имя Руссов, известное исстари как Славянское, не только всем племенам Азиjsким, но и Израильянам, со времени пришествия их в обетованную землю. И у них Руссы стоят во главе не только Римлян, но и древних Греков — как их праотители.

Однако же не попустим им присваивать себе наше родное и величателься чужою силою, славою, могуществом и знаниями! Отнимем у них доводами те факты, которые они так насильственно приурочили к истории своих предков, ограбив историю Славяно-Руссов!

Мы знаем, что история не должна быть панегириком, но не дозволим же и им обращать Русскую историю в сатиру.

Может быть, наши русские Шлецерианцы, не разбирая сущности дела, по одному пристрастию, вступятся за своего кумира, в чем нет даже никакого сомнения; но чтобы наперед уже охладить жар этой партии, выводившей огромнейшее племя Руссов, занимавшее собою половину Европы, из крошечного племечка скандинавского — выражимся сравнительно: натягивавших басовую струну, чтобы извлечь из нее тон квинты — для охлаждения жара этих партизанов напомним им, что Шлецер — этот, по их мнению, великий критик и филолог, производил славянское слово: «дева» от германского «Tiffe (сука)»: одного такого производства достаточно, чтобы понять Шлецера без дальнейших исследований его доводов, чтоб

уничтожить апофеозу, воссозданную ему ослепленными его поклонниками!

Но чтобы доказать грубое лжеучение Шлецерианцев, что будто Россия развila свои силы от влияния на нее Скандинавов и что и самое имя свое она получила от них же, мы представляем здесь материалы для Русской истории, которых тля не тлит.

Эти материалы состоят из племенных названий, рассеянных по всем историям и ныне очищенных критикою от перелада их на Греческий, Римский, Монгольский, Немецкий и Скандинавский типы и доведенных тем до прототипа своего; не менее того служат тут названия городов, живых урочищ, городища, могилы, насыпи, клады, развалины, монеты, медали, кумиры, памятники разного рода, оружие, образ жизни, сохранившиеся местные остатки славянского языка, нравы, обычаи, поверья, порядок ведения войны, домашняя утварь, обряды и бесчисленные другие предметы.

Созвучность выводов из этих материалов дает нам не только что надежную точку опоры, но и рисует ясный облик древнейшей славяно-русской истории.

Греки и Римляне давали многим славянским племенам свои, произвольно составленные прозвища, относя их то к местности, то к наружности, то к суровости в войнах, то к образу их жизни; но кое-где в их сказаниях проявляются и настоящие имена тех племен. От этого толпится в древней истории более полусотни имен лишних, ничего особого не означающих, которые должны быть наперед уничтожены, если мы хотим прояснить сколько-нибудь этот хаос и отделить из него резкою чертою славянское племя, которое станет тогда в свое место непринужденно, ненасильственно, не по приговору своеволия и красноречия, а во однознаменательности и сродству обстоятельств.

Что мы стоим на незыблом материке относительно выбора фактов, принадлежащих Славяно-русам, из исторического конгломерата, пущенного под названиями Скифов, Сарматов, Этрусков, Кельтов, Алан, Норманнов, Варягов и пр., то подтверждают живые урочища и разные другие памятники, повсюду рассеянные.

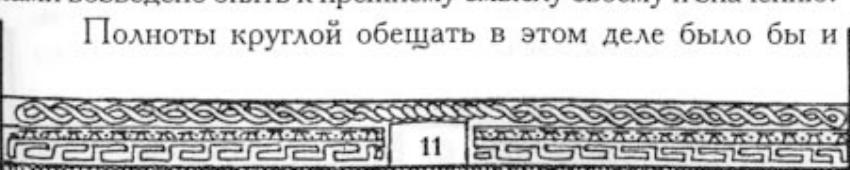
Действительно Славяно-русы, как народ, ранее Римлян и Греков образованный, оставили по себе во всех частях старого света множество памятников, свидетельствующих об их там пребывании и о древнейшей их письменности, искусствах и просвещении. Памятники пребудут навсегда неоспоримыми доказательствами; они говорят нам о действиях наших предков на языке, нам родном, составляющем прототип всех славянских наречий, сливающихся в нем, как в общем своем источнике.

Объяснением этих памятников, даже первою мыслию к способу их объяснения, мы обязаны Ф. Воланскому, сделавшему первый и значительный шаг к тому и неутомимо трудящемуся в продолжение своих разысканий и объяснений.

Не станем писать ему заслуженных похвал и благодарности, пусть послужит таковыми принятие нами его трудов в параллельное нашим выводам содоказательство. Мы ставим здесь рука об руку наши критические выводы с его разъясненными надписями.

Хотя наши выводы взяты из тех же источников, из которых черпали и скандинавоманы; но мы взяли все то, что ими случайно, а большею частью с намерением пропущено как противоречащее их предположению, что ими своевольно и без доказательств на то отвергнуто и, наконец, все то, что ими превратно истолковано, а нами возведено опять к прежнему смыслу своему и значению.

Полноты круглой обещать в этом деле было бы и

безуспешно и дерзко, но мы обязываемся представить просвещенным читателям несколько новых фаз древней Славянской Руси, могущих служить точками опоры для развития нити древней Русской истории и для совершенного поражения лжеучений школы скандинавоманов!

При дальнейшем разборе надписей на памятниках славянских, которые в числе тьмы тем рассыпаны по лицу земли, образуется, конечно, и возможность соединить всю древнюю Русь с новой в неразрывную цепь и в постоянно гигантском размере.

Конечно, подвигаются такие труды медленно вперед; пойдем и мы медленно, не спеша, но верною стопою и пожелаем: да свершатся они к чести и славе России!

ВВЕДЕНИЕ

Иринимать живое участие в минувших делах праотцов своих, восхищаться их славою и величием и из их опытов, как блестательных, так и горьких, созидать законы для собственной жизни было всегда разительною чертою характера каждого сколько-нибудь просвещенного народа, перешедшего уже за рубеж политического младенчества и достигшего опытами и рассуждением внутреннего самосознания. — Эти чувства столь близки и естественны человеческому сердцу, что нет надобности доказывать их. Один только бессердечный космополит может быть равнодушен к соотчичам своим, потому что себялюбием уже убиты в нем все зародыши высшего чувства и стремления. — А потому чем бы человек ни занимался, чему бы он ни посвятил трудовую часть жизни своей, во время его отдыха история Отечества найдет всегда доступ к нему и приют в его сердце. Герой, сложив бранные доспехи свои, мудрец, закрыв книгу идей, и горький труженик, окончив дневную работу свою, найдут отраду и утешение в повествовании об их предках.

Нет поэтому никакой надобности утверждать, что занятие историею приятно; такая мысль уже давно обратилась в аксиому. Но возведем этот предмет к источнику своему — к единству, обуславливающему не номинальной личностью, но общностью приложения. — Если история человека есть связный рассказ Божеских путей, по которым он должен был воспитываться и усовершаться, то нет ничего поучительнее и возвышеннее, как глубокомысленное занятие ею; несмотря на то, будем ли мы обращать свои взоры преимущественно на Творца-Воспитателя и вместе с тем

на все события, прославляющие его всемогущество и мудрость, справедливость и любовь — или кинем взоры на человека-

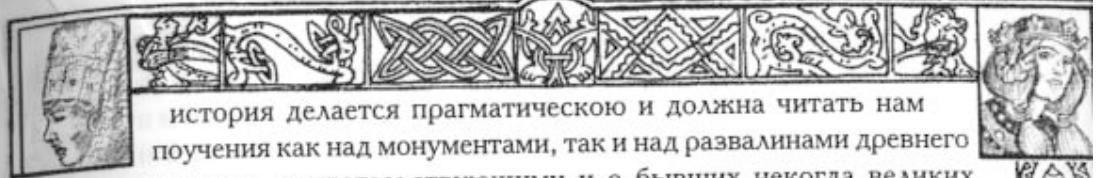

воспитанника, идущего предназначенным путем или уклоняющегося от того пути и свободно кующего жребий и потомкам своим; будем ли смотреть на него, как на раба своих страстей, или будет занимать нас борьба его с пороком и заблуждением; остановимся ли пред картиною его величия, или со стыдом отвратимся от изображения его позора; привлекут ли нас его добродетели или оттолкнут гнусные пороки.

Но как мы рассматриваем судьбы одного человека, этого отдельного звена в обширной цепи народа, так точно можем мы рассматривать и судьбу целого народа в отношении к самому себе или к внутренней его жизни и в отношении к другим, окружающим его народам, или в отношении к его жизни внешней. — Там мы увидим борьбы сил нравственных и физических во всем объеме народного итога, увидим возрождение одних часто из малого, но чистого источника, и погружение других всею гигантскою массою своей в безличный хаос. — Там мы увидим, от чего пал крепкий Вавилон и просвещенный Египет, от чего разъединили Эллины могущество свое, что ниспровергло знаменитый Илион, как роскошь и разврат наложили цепи на колossalный Рим, как раздоры Славян подчинили их чуждому владычеству. Там мы изучим причину скоротечности огромных государств, составленных Александром Македонским, Аттилою, Карлом Великим, Наполеоном и другими героями минувшего времени.

Итак, история и в этом отношении имеет те же две стороны: приятную и полезную. В первом отношении она служит нам как памятная книга о событиях минувших, и в этом случае она рассказывает нам рождение народа, развитие его сил, внутренних и внешних, его собственное движение в массе всего населения земного шара, а вместе с тем повествует нам о делах наших предков, могущие горькими опытами своими утешать нас в бедствиях, а славными одушевлять и вызывать к подражанию.

Полезная сторона истории заключается в поучениях, какие мы можем извлечь из событий, раскрывая причины всех явлений, случайных ли или подготовленных целыми веками, и выводя естественные следствия тех явлений. В этом отношении

история делается прагматическою и должна читать нам поучения как над монументами, так и над развалинами древнего величия, свидетельствующими и о бывших некогда великих событиях. Эта сторона истории есть самая трудная и требующая высшей осторожности. Ибо, развивая факты в их причины и последствия, должно отстранять всякое предварительное предубеждение в пользу того или другого народа, всякую современную нам наглядность в характер его. Последнее важно потому, что настоящее и прошедшее одного и того же народа редко идет неуклонно по одной и той же колее, и так настоящее никак не может служить основанием и мерилом прошедшему.

Поэтому основанием для прагматических развитий должны служить только факты несомненные. Всякое безотчетное предположение, всякая гипотеза, внесенная в пределы истории и служащая потом точкою опоры для философского взгляда на все периоды, затем следующие, вносит ложный свет в науку, искажающий дух, характер народа, его внутреннюю силу, его особенность, а часто и его достойное величие.

Бесполезно и даже смешно безусловно принимать в область истории какие-либо сказки, но нельзя отвергать и того, чтобы в них не находилась иногда и какая-либо нить историческая. Все вообще народные сказания или легенды делятся на мифические и героические. Первые произошли от поверья людей в сверхъестественные существа с земною естественною жизнью и страстями и заключают в себе вымыслы, слитые весьма часто с действительностью. Это бывало тогда, когда человек, одаренный особыми против современников своих способностями, удивлял и очаровывал их своими действиями и за то причисляем был к существам сверхъестественным или мифическим. Героические легенды суть воспоминания действительных событий, в которых выставлены личные достоинства героя.

Оба рода этих сочинений относятся к области поэзии и отнюдь не к истории. Но, разложив такое сказание на его составные части, отделив от него вымысел строгою критикою, всегда можно найти в нем личность и действия исторические.

Ибо как историческая легенда берет свой предмет из круга

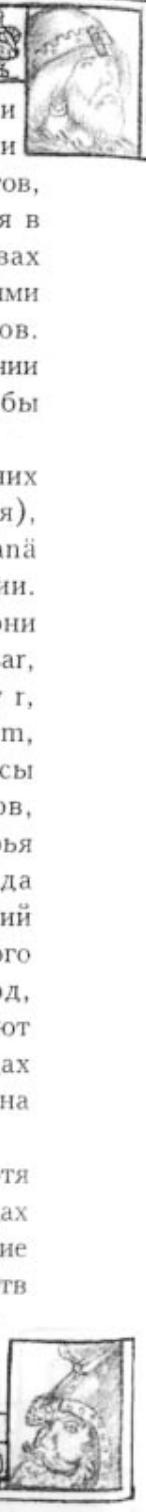

действительности, отстраня иногда только законы времени и пространства, переносит эти события в область чудесного и претворяет храбрых людей в героев, героев в полубогов и богов, и, наконец, на высочайшей степени своего развития теряется в области чисто мифической; так точно сказания о божествах спускаются в действительный мир, облачают вымышленные ими существа именами и свойствами живших людей и народов. Совершенное слитие того и другого рода сказаний в одном творении образует эпопею. — Но нет эпопеи, в которой не было бы характеристической черты из истории.

Возьмем для примера исландские саги. Мы встречаем в них имена Valland (Галлия), Danmörk (Дания), Gotthiod (Готландия), Rin (Рейн), Attli (Аттила), Holmgardr (Холмогоры), Vanä (Венеды). Это все имена, принадлежащие несомненно истории. Также объясняются многие их слова, в которых прибавляют они на конце букву г, как aesir, diar, iätnar или iotar, thursar или thussar, vanir, vanaheimr, Skalogramr и пр. Отнимите конечную букву г, будет: aesi, dia, iätna или iota, thursa или thussa, vani, vanaheim, skalogram (азы или полубоги, духи или боги, юты или геты, фуры или жрецы, ваны или венеты, Венетия или земля венетов, Скалограм — славянин, переселившийся с балтийского поморья в Норвегию при короле норвежском Гаральде, а оттуда перешедший со своими близкими в Исландию и составивший первое ее население). Эти названия взяты все из действительного быта. Древнейшие писатели, каковы, например, Этельвард, Альберикус, Снорро, Торфей, Саксон Грамматик, утверждают также, что все встречающиеся в древних скандинавских легендах имена взяты с исторических лиц и народов, но перенесены на божества и существа сверхъестественные.

Сходство имен в легендах с именами историческими и хотя самые легкие намеки древних на подобные описаным в тех легендах события, а вместе с тем сходство местностей, породивших такие легенды, с местностями историческими, и сходство обстоятельств позволяют делать и выводы исторические, причем только боги разоблачаются в обыкновенных людей.

Разумеется, что если бы в скандинавских легендах заключались имена героев индийских или африканских, то трудно бы было и предполагать соотношение этих имен с историей, тогда бы отнесено было это к случайному звучанию слов.

Но совсем не то, когда речь идет о двух соседних народах, об их взаимных распрях и битвах и когда и сами события расположены в таком порядке, что они приближаются к нашей хронологии, и особенно, когда вывод делается о народах, описанных в легенде врагами и противниками; ибо противников древние писатели старались всегда унижать, а потому извлечение действительного быта из этой стороны не представляет опасности, что мы извлечем панегирик, но, без всякого сомнения, получим выводы о бывалом.

Действия, приписанные преданиями каким-либо лицам, бывают, по обыкновению, всегда преувеличены; но до этого нам и дела нет; если мы встретим в скандинавской саге имя Ярослава, то, не обращая внимания на все приписанные ему действия, мы можем смело заключить о бывших в его время каких-либо отношениях Руссов со Скандинавами или о достопамятности его действий, сохранивших его имя в сказаниях инородцев. — Если сага говорит о битвах Скандинавов с Руссами, мы не верим подробностям этих битв, но не смеем отвергать ни существования Руссов в то время, ни их войн со Скандинавами. А если в легенде упомянуты и местности, то мы знаем и то, где тогда Руссы имели свою оседлость.

Но если, например, в легенде скандинавской Аттила описан человеком правдивым и мудрым, а в истории Римлян — злодеем, то мы поверим легенде, а не истории, которую писали ненавистники Аттилы, и в такое время, когда считалось делом не только обыкновенным, но даже необходимым унижать своего врага до того, что из истории делалась эпиграмма или сатира.

Илиада есть также легенда; в ней также много вымысла, но вместе с тем в ней ясно раскрыты и лучше, нежели в истории, последняя борьба Трои и ее падение. Подобно этому сказание о Царе Лазаре. — Даже сказки о Бове королевиче и царе Додоне заключают в себе историческое отношение; первая входит в историю третьего Одина (исторического) и русской царевны Рынды, а

вторая есть пасквиль Славян на князя Бодричей (Obodriti), Додона, соединившегося с Карлом Великим против Поморян и Полабов и погибшего, вероятно, от руки подкупленного убийцы.

Сами песни народные много содействуют в объяснении славянской истории; в них почти всегда резко определяется местность события, например синим морем, хвалынским, Дунаем, Доном, разными городами и пр.; из них мы извлекаем мифологию народа, храбрость его, битвы, оружие, одеяние, обычаи, пристрастие к мореплаванию и многие другие черты общественного и частного быта.

Нет сомнения, что сплошное и безотчетное верование во все такие сказания есть грубая ошибка. Строгая критика должна разбирать такие и подобные тому источники, прежде нежели позаимствуется из них что-либо для пополнения истории; однако же должно заметить, что иногда даже один подобный вывод может служить связью разорванной исторической нити и явления, казавшиеся как бы отрывками или эпизодами в истории, привязывает к источнику своему. Одним словом, для историка, следящего за событиями темными, преувеличенными или еще нейтральными, по неопределению их отношения к тому или другому периоду, племени или народу есть особенный торт, заставляющий верить или не верить легенде; это торт наглядности, диверсия исторических попыток, случайное столкновение двух следователей на одном пути.

Но отвержение несомненных фактов по одному только предубеждению или пристрастию и причисление их к сказкам есть уже дело постыдное и бессовестное! Такой писатель ставит себя на чреду лжеца и клеветника и недостоин титула историка! — Бывают, конечно, случаи, что факты ускользают, если можно так выразиться, из-под обзора дееписателя, потому что события раскидываются иногда чрезвычайно ветвисто и от того весьма трудно бывает при таких обстоятельствах сконцентрировать их в одном фокусе. В таком случае писатель неповинен в упущении; он может пропустить и много фактов от одного недосмотра, особенно если народ так огромен, что занимал добрую половину целой части света, и так разнообразен, что

проявляется под сотней разных имен, в разных, отдаленных друг от друга концах, на разных степенях развития гражданственности и в соприкосновении с совершенно различными между собой народами — каково было и есть племя Славянское.

Но скептицизм некоторых западных писателей дошел до того, что они с каким-то диким обаянием хотели уничтожить не только легенды, касающиеся народа Славянорусского, но и в самых летописях его старались оподозрить те места, которые ясно говорят нам о самобытности Русской или выражают какую-либо изящную черту его, выходящую за пределы обыкновенной жизни. — Но странное дело: этот скептицизм домогается затмить в истории Русской все прекрасное и самобытное, а в западной истории он отвергает только все дурное. — Так, например, он отвергает в наших летописях высокую черту характера народного, сознавшего свою немощь от разлада многих властей своих и для приведения всего в прежний порядок призывающего к себе самодержавного владыку; а во французских летописях, говорящих о сожжении Жанны д'Арк, совершившемся при многих тысячах свидетелей и в большом городе Франции, он отвергает сожжение. Вот образец западного скептицизма!

Итак, небесплодны бывают занятия, посвящаемые разысканию и обследованию давно минувших событий, уже обследованных неоднократно. Там, где почитают все источники исчерпанными, все соображения недоступными, часто можно найти еще много фактов, опущенных случайно или с намерением; ибо легко может быть, что один следователь выбирал для себя не ту точку взгляния, с которой другой смотрит, и потому мог пропустить много фактов, в числе которых может быть и такой, который один достаточен, чтобы совершенно разгромить несколько положений, получивших уже в истории предикат несомненной истины.

Рудники древней истории так еще богаты, что из них можно извлечь множество фактов, поясняющих события, досель остающиеся нейтральными в истории, но неотысканию доказательств о связи их с тем или другим народом. Они свяжут однородные,

но разъединенные части в одно целое, а гетерогенные прилейки отсекут анатомическим ножом, как нарости.

Но есть и такие случаи, где историк, приступая к исследованию, уже наперед составлял себе тему, или, лучше сказать, неподвижную идею (*idee fixe*), которую старался обставить фактами, пока нейтральными, превратными выводами и в случае нужды гипотезами, а потому из самосохранения должен был отстранять подозрениями и возражениями или молча пропускать все то, что ему явно противоречило в развитии предсозданной труду своему идей, от которой он не желал и по пристрастию своему не мог уже уклониться.

Если собрать все те факты, которые ускользнули от следователя беспристрастного, и логически оправдать те, которые несправедливо заклеймены печатью отвержения историка одностороннего или причастного греху пристрастия, то, конечно, представится возможность изобразить древнюю Русь в более свежих красках, дать ее характеристике очерк, более верный, более близкий к подлиннику.

Есть еще случаи, в которых факт, относящийся к следимому нами народу, открывается не прежде, как подробном анализе какого-либо сказания о народе соседственном. Но есть и такие случаи, где мы, следя языки, имена, прозвища, образ жизни, верованья, поверья, пословицы, одежду, пищу, оружие и т.п. житейские отношения, выводим синтетическим порядком имя народа безлично или под псевдонимом описанного; а через то созидается новый факт для истории.

Иногда счастливо замеченная одна черта характера какого-либо лица или народа раскрывает нам более, нежели сотня страниц холодного описания политических действий того народа, непричастных его жизни внутренней, стороны его сердца.

Все деяния человека или целого народа составляют одну неразрывную нить и характеризуются каким-то

единством, если иногда и неполным, но зато всегда ясным. В древней истории мы слышим нередко отклики, как бы созвучные с следимым нами предметом. Прямо употреблять их как вставку в составляемую нами историю было бы ошибочно; нужно следить, вглядываться, вслушиваться в эти отклики, анализировать их и ставить в параллель с другими. Но, найдя однажды часть такой нити или исходный ее конец, уже гораздо легче отделить и всю нить, хотя бы она в иных местах и перепутана была в огромный узел встречных событий. — Тут уже мы убеждаемся обстановкою предметов, их характером, на цветом, отливом, мягкостью или шероховатостью, опрометчивостью или медлительностью, теплотою или холодом, одним словом: тем созвучием, которое ясно выражает сродство предметов.

Так узнают земляки друг друга, будучи брошены судьбою по разным путям в чужбину. Что-то знакомое, что-то родное сближает их уже с самой первой встречи. Обычаи, привычки, наклонности инстинктивно сводят их между собою, прежде нежели они успеют объясниться словами.

Философский взгляд, брошенный на целый ряд фактов быта народного, приводит их в стройные фаланги, связывает в одно целое и дает бытие истории. Все, не принадлежащее сюда, само собою выдвигается из рядов и отделяется как чуждое, стороннее. — Такой обзор называется исторической критикой. Но некоторые писатели осмелились назвать исторической критикой самовластные правила, по которым можно безнаказанно отнять у народа все его лучшее достояние: его честь, славу, родину и любовь к отечеству, сказав просто: я подозреваю тут позднейшую вставку, или что-нибудь тому подобное. Мало ли бывает в жизни ложных подозрений! — каждое подозрение должно быть подкреплено некоторыми доводами, без которых оно не имеет никакой силы. Притом подозрения могут рождаться от разных причин, иногда просто неосновательных, а иногда даже и грешных, порожденных не с чистым намерением оправдать истину

и заклеймить ложь, но чтобы унизать один народ и возвысить другой. Такова была и критика Шлецера, позволявшая себе притом и выражения, явно пристрастные и часто вовсе не научные. — И несмотря на то, Шлецер почитается еще многими за корифея в Русской истории.

Он внес в нашу отечественную историю ложный свет в самом начале ее. Он утверждал, но только без доказательств, что будто Варяги-Руссы были Скандинавы, тогда как у самих Скандинавов нет ни малейшего следа о Варягах и они сами долго не решались назвать Руссов соплеменниками себе. Только Германцы утверждали это; но в настоящее время дошло до того, что предполагают, будто Русь состояла из скандинавских колоний (1); мало этого — сочиняют, что будто в одиннадцатом веке все Славяно-Руссы говорили скандинавским языком (2). Эта выходка необходима для поддержания мнений Шлецера, уже раскачавшихся на зыбком основании своем. — И несмотря на то, многие из наших русских историков приняли сторону Шлецера и развили его мысль еще более; они даже сказали, что будто от пришествия Варягов-Руссов привился северному славянскому народу характер и дух скандинавский. А это не значит ли, что все развитие прирожденных, внутренних сил и способностей Славяно-Русского народа отнято у него и присвоено Скандинавам, едва ли более Китайцев участвовавшим в этом деле? — Но что же остается теперь сказать о наших летописях одиннадцатого века? По Мунху, Руссы говорили в этом веке скандинавским языком, стало быть, и летописи наши написаны на скандинавском языке? Посмотрим, как Немцы будут читать славянскую грамоту, принимая ее за скандинавские руны!

Германцы прошлого столетия считали Руссов и вообще всех Славян народом варварским, необразованным и неспособным к

(1) Rükert. Neue Encyklop. Gesch. des Mittelalt. 1853.

(2) Munch. Det norske Folks Historie. 1853.

образованию; они называли их пастухами,nomadami,
холопями (1) и ставили характеристику народа невежество

и зверство, требовавшие постоянного побуждения (2). А как они тогда полагали, что свет, озаряющий всю Европу, излился из недр их самосветности, то и Шлецер, упоенный народным предубеждением, предположил, что Руссы должны быть обязаны Германцам своим просвещением, своею гражданственностью, своим строем и самобытностью. Но как сношения Германцев с Руссами не представляют никакого исторического материала, из которого бы можно было вывести, что Руссы заимствовали у них всю свою гражданственность, то Байер и Шлецер укрыли свою мысль под эгидою Скандинавов, причислив к ним, как к соплеменникам своим, и Варягов-Руссов. Этим они думали оживотворить свою неподвижную, тяготеющую во мрак произвола идею, предсозданную исследованием и своду Русских летописей (3).

Если Шлецер действительно не понял Русских летописей, то он слепец, напыщенный германской недоверчивостью к самобытности

(1) Но чьи же они были холопи? Если Славян же, то были у этих холопей и бояре, с ними вместе населявшие страну. Так зачем же не говорят они о боярах. Если же они были холопи скандинавские, то им следовало и называться не холопами, а кнектами, т.е. на скандинавский лад.

(2) Да и теперь не отстали еще некоторые от этой мысли. Есть новейшие сочинения, дышащие теми же самыми отзывами и, в дополнение к тому, преисполненные подозрениями и ненавистью. См. Die Slaven des südlichen Russlands v. Neumam. 1847. Die Welt Schlacht der Slaven u. Deutschen v. Heffter. 1847. Das Europäische Russland v. L. Georgii. 1845.

И теперь еще продолжают германские крикуны унижать Россию; но за то уже, что она могущественна и может всегда остановить их раздоры внутренние. Они забыли нашествие монголов на Европу и все последствия этого нашествия. Кто бы мог в настоящее время загородить их от подобной погибели, как не Россия? Да и тогда, при разъединении Руси, заслоняла их также Русь Галицкая. Благоговейте же, народы, пред величием России; ее величие ручается за ваш покой внутренний и внешний!

(3) Они, конечно, забыли Мировея-Винделика, родоначальника Меровингов, введшего славянский алфавит у побежденных им народов и ставшего ввести и самый язык славянский.

Русских государств во времена дорюриковские; но если он проник сущностью сказаний и отверг таковые единственно из того, чтобы быть верным своему плану, то он злой клеветник!

Но обратимся теперь к нашим историкам. К сожалению, должно сказать, что некоторые из них смотрели в кулак Немцев и от того не стыдясь говорили, будто великая Россия была наследным достоянием Скандинавов и будто Рюрик занял ее как свою отчину, а не как призванный на престол самим народом; будто до времен Владимира обитали в ней немногиеnomады, называвшиеся рабами, отроками, хлапами, и будто Русские летописцы изуродовали эти слова в Словаков, Славян и приписали их народу, никогда не существовавшему. Прочитав подобное мнение, невольно воскликнешь с певцом «Славы дщерь».

Stjny Lawritasú! Swatoplukú!
Gak wás možno z hrobu wywesti?
Byste uwiděli nerěsti
Národu a hanbu swogjch wnuků...
Nam krew milau cizj žieseň chlastá,
A syn sláwy otců neznage,
Geště swogjm otroctwjm se chwastá!

(Тени Лаврета! Святополка! Можете ли вы восстать из гробов своих? Вы бы познали горесть народа и стыд ваших внуков. Чужая жаждка испивает нашу кровь, и сыны, не зная славы отчей, величаются тем, что называют себя потомками холопов!)

Если Шлецер и почитал себя создателем высшей исторической критики, если он и мечтал, что вознесся в этой ветви учености на недосягаемую для других высоту, с которой мог дробить их, обращать своим приговором в сказку или самовольно присваивать тому или другому народу; если его последователи и думают, что зажженный им светильник озарил лучами солнца всю Русскую историю, потому они смело могут еще более развивать, усиливать и подкреплять его скандинавоманию, имеют право лишать Русское юношество того благороднейшего чувства, которое рождается от высокого уважения к своим предкам — родоначальникам, то настанет

еще то время, когда укажут им, что они прикованы к
надиру, и потому не видят зенита; что восставший
Шлецером светоч над Русской историей давно догорел и померк
и представляет одну головню, марающую священные листы истории!

Но благодаря усердным розысканиям некоторых отечественных
тружеников на поприще истории открыто уже много древней славы
Руси Славянской, и есть надежда, что скоро воссияет дохристианская
Русь во славе Троян, Гетов-Русских (ошибочно названных
Этрусками) и Македонцев — в славе наставницы древних Греков и
Римлян и перестанет сlyть отчим наследием Скандинавов!

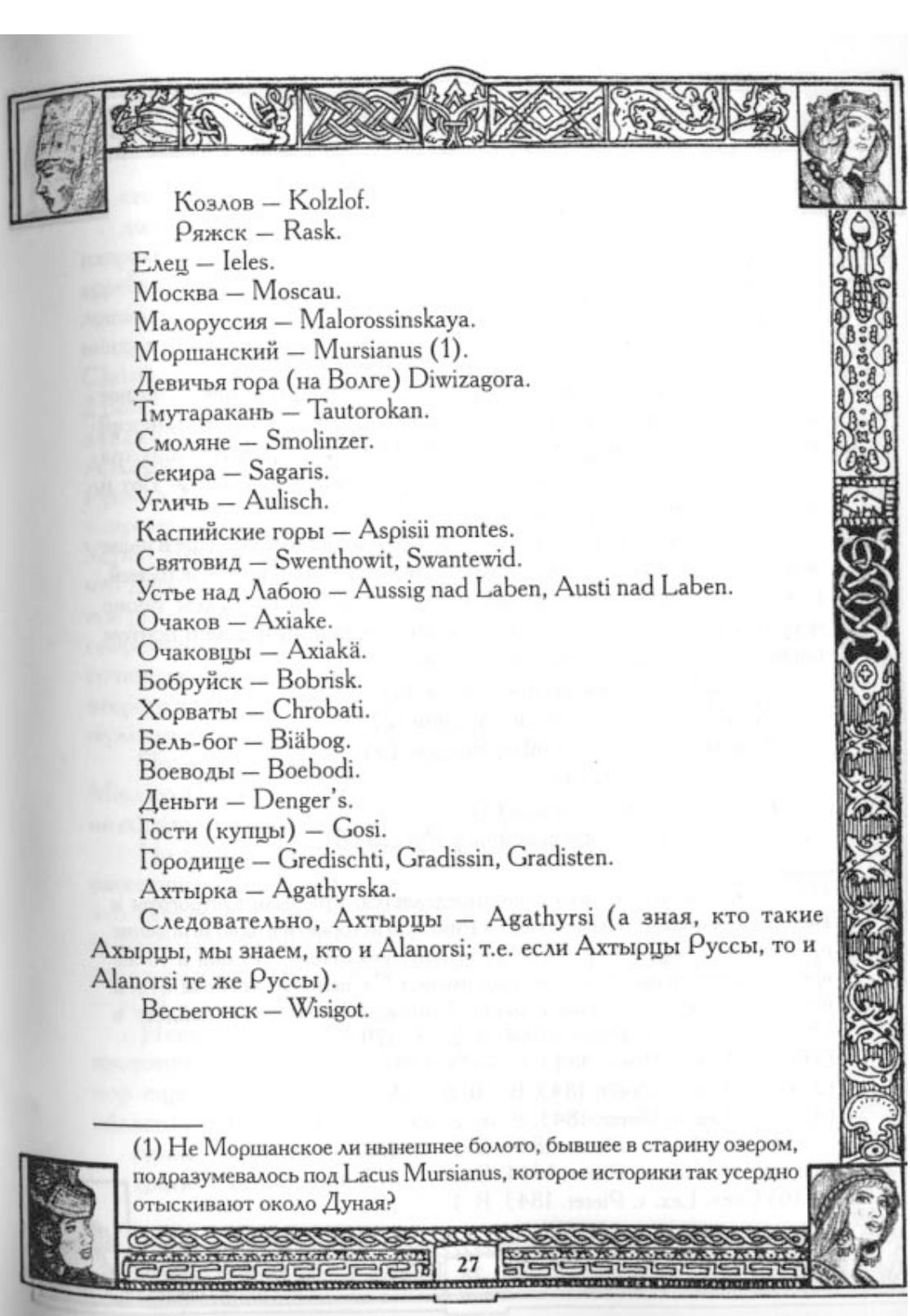
Настанет время, когда потрянут в основании гнилые столпы,
поставленные для славяно-русской истории на скандинавском болоте,
и укажут их место на огромном материке от Аравии до Адриатики, от
Каспия до Балтийского прибрежья и от Черного моря до
Мурманского! Там колыбель этого великого доисторического народа,
названного, как бы в насмешку, племечком скандинавским! — Там
положим и мы свой камень к общему основанию истории древних
Славяно-Руссов!

**Указание некоторых славянских названий,
с их переладом на греческий, латинский, германский
и скандинавский типы, как руководство для приведения
и других исковерканных славянских имен
к прототипу своему**

Ярослав — Iarysleif.
Святослав — Sfendoslaf.
Игорь — Ingör.
Всеволод — Wesewolok.
Святополк — Swantopluk, Zwentibold, Zwantipluk.
Володар — Baldur.
Ратибор — Radbiart.
Святобор — Suantibor, Suitibor.
Ляшко — Lessek.
Рогволод — Ragnwald.
Годунов — Gudenow.
Ермак Тимофеев — Iermak Timofega.
Сагачь — Sagiz.
Самара — Samora.
Мста — Mstva.
Донец — Domez.
Сызрань — Sauseran.
Муром — Murow.
Рыбинск — Kibinska.
Устюжна — Ustezna.
Кизляр — Kitzlar.

Острогожский уезд — Ostrogotsche Kreis (1).

Новгород — Nowago, Nemogarda.

Смоленск — Milinisk.

Любеч — Telutzi.

Вышгород — Wusegarda.

Киев — Kujaba.

Славяне — Stavani, Suoveni, Sklavi, Seklab.

Так писали историки, довольно отдаленные от Славян; но вот пример, как описывает Болеслава храброго один германский современный ему священник, живший в Польше; Boleslaus primus, qui dictus est Sraba i.e. mirabilis vel bilulus, qui dicitur sic Tragbir. — Вот и выводите из этого «Храбрый»!

Но чтобы иметь понятие о том, как Германцы толкуют еще и ныне значение некоторых русских слов и как они знакомы с Русской историей, географией, мифологией и бытом народным, мы приведем также несколько примеров, достаточно убедительных в этом деле и притом никаколько не подвергающихся сомнению.

Muschiks у них значит крепостные (1).

Naczelnik — начальник инсурекции (2).

Kosma Minin — русский бунтовщик (3).

Robot — барщина (4).

Pulk — отделение козаков (5).

Jaga — baba — богиня войны у Руссов (6).

(1) Этим, кажется, весьма ясно определяется, кто были Остроготы и Визиготы, как с неба свалившиеся в Римскую историю и в одно мгновение пропавшие с лица земли, подобно туману; это оттого, что они в то же время являются на сцене уже под именем Славян. Но об этом будем подробнее говорить в своем месте. Ostrogotsche Kreis вы найдете в Universal-Lexicon v. Pierer, 1844. B. 21. S. 479.

(1) Conv. Lex. v. Pierer. 1843. B. 20. S. 129.

(2) Conv. Lex. v. Pierer. 1843. B. 20. S. 203.

(3) Conv. Lex. v. Pierer. 1843. B. 16. S. 389.

(4) Conv. Lex. v. Pierer. 1844. B. 25. S. 168.

(5) Conv. Lex. v. Pierer. 1844. B. 24. S. 117.

(6) Conv. Lex. v. Pierer. 1843. B. 15. S. 11.

Также не далее, как в самом конце минувшего столетия, а именно в 90-х годах, мы встречаем сочинения, достопамятные верностью описания России и быта ее. Как, например, у Leclerk'a «il y a (en Russie) une espece de vinaigre qu'on appelle Kwasse, ou имей—имей», или «в России имеются три породы лошадей: конь, лошадь и кляча»; или: в России зимою нагревают воздух разложением огня на улицах. Другой пример мы находим у Christiani, в его *Unterricht für die zu Kaufleuten bestimmten Jünglinge*. 2 Band. *Commerz—Geographie*, где Россия разделена на восточную и западную; где западная состоит из провинций: Двины, где Архангельск, Каргополя, Пскова, Белого Цора, Ростова, Суздали, Решова, Бельска, Северии, где Новгород, Чермгова, Воротина и пр. — провинции восточной России по его описанию суть: Поле, Мордва, Устюг, Вядски Пейорски, Обдорски и пр. Он утверждает также, что Дербент лежит в земле Самоедов, что С.-Петербург находится при реках: Доне, Оби, Двине, Волге, Днепре и Неве. — И это писали современники пресловутого Шлецера! Но не думайте, чтобы сочинение Христиани было принято за дюжинное; нет, оно достигло второго издания и было чрезвычайно расхвалено в современных ему германских литературных газетах.

После этого можем понять, как судили о Русской истории и Байер, Мицлер и Шлецер, не знавшие основательно ни языка Русского народа, ни обрядов и обычаев, ни характера его в самом ядре населения.

Но возвратимся опять к греческим славянским словам, рассеянным по разным историям. Некоторые до того изуродованы, что скорее походят на китайские, нежели на славянские; иные вымышлены самими Греками и многие составлены из двух названий: родового и видового, как, например, Alan — orsi, Sebbi — rozzi, Rox — alani.

Неизлишним будет прибавить здесь, что для возведения к прототипу своему некоторых племенных имен славянских, до сих пор еще не разгаданных, необходимо, кажется, справляться в областных словарях Русских. У Славян есть обыкновение называть одних лапотниками, других махланами или зипунниками, третьих аланиками.

Но приведем здесь несколько таких названий и поставим их в параллель с племенными названиями славян в историях греческих и римских.

Алан — низменное место, удобное для пастбища и покоса, производное от того слова:

Аланники-Алане (занимающиеся скотоводством) Alani.

Зипунники — Zipani, Sipani.

Какатцы (от какаты — башмаки из бересты) Zaccati.

Кисынне (от кисы — оленьи сапоги) Kissini.

Курпинники (от курпин — лапти из охлопьев) — Carpiani.

Курпы (носящие башмаки с пряжками) Carpi.

Лунтайники (носящие сапоги из оленьей шкуры) Lantani.

Малахайники — Malachitā.

Махланники (носящие зимние шапки с ушами) Melanchlāni.

Нярыняне (от няры — валеные сапоги) Neuri, Nerinani.

Раншина (мореходное судно) Rani.

Сколоты (хлоптуны) Scoloti (так называны у Геродота Скифы).

Струсни (носящие башмаки с ушками) Stumi, Strusi.

Харпайники (носящие сырье кафтанды) Carpagi.

Чепани (носящие казакины) Serini.

Шабэра (носящие балахоны из толстого холста) Sabiri.

Кажется, что из упомянутых одежд и обуви каждая принадлежит у нас в России особой местности. Может быть, кто-нибудь займется подробным исследованием этого предмета и, определив местность племен Греками и Римлянами упоминаемых, найдет, что она совпадает с местностью приведенных здесь русских названий, и тем обратит нашу догадку в факты исторические.

Заметим при этом, что главная ошибка большей части изыскателей местностей славянских состояла в том, что они концентрировали все свои разыскания преимущественно около Дуная, тогда как нужно обращать внимание и на дальний север, ибо между Финским заливом и Белым морем также сидели и Унны, и Руссы, и Алане, чьему подробнейшие доказательства мы приведем впоследствии.

СЛАВЯНЕ

*Откуда производят Славяне то нарицательное имя свое
— от слова или от славы?*

Стыдно вспомнить, что некоторые из наших отечественных историков колеблются в произведении этого имени от славы, выставляя как-то нерешительно и слово и славу корнем ему. Имена лиц, городов, рек и других уроцищ, даже улицы носят на себе отпечаток того, что слава и честь были постоянной стихией характера Руссов и их соплеменников. Мы даже находим во многих древнейших песнях слова: «ищучи себе чти (или чести), а Князю славе». Самое море хвалисское получило свое название от похвальбы.

Греки и Римляне называли хотя Славян вначале и различно, а именно: Stavani, Stlavani, Suoveni, Slavi, Slavini, Sklavini, но буква а, господствующая во всех этих видах, кроме слова Suoveni, ведет к тому же заключению, что корнем этому прозванию служила слава, а не слово. Dubravius то же доказывал, говоря: ub ipsa praeterea gloria, quae apud illos Slava appellatur, Slowutnii dicti.

Производящие название Славян от слова должны бы были обратить внимание на то, что Славяне и Словене суть имена нарицательные. Но первое может принадлежать одному, двум, трем или более племенам; однако же нет необходимости, по словоизводству, чтобы оно принадлежало всем племенам без исключения. Название же Словене должно быть общим, между тем как по истории оно есть действительно частное, присвоенное себе славными.

Название Славян существует с давних времен. Главное племя Мизии и Македонии состояло из Славян. Страна их называлась Славиниею. Самыми же первыми поселенцами этой страны были Пеласги, которые по несомненным доводам г. Черткова, в исследовании Пеласго-Фракийских племен, оказались также Славянами.

Дальнейшим подтверждением того, что Македонцы действительно были Славяне, пусть послужит следующее: по падении Македонского царства часть Македонцев, около 320 года до Р.Х., переселилась к Балтийскому морю и основала свои новые жилища под названием Бодричей, сохранивших до самого падения своего герб Александра Македонского, изображающий буцефала и грифа. А вскоре после того одна часть их снова переселилась на Ильмень и Ловать.

Македонцы имели, кажется, достаточный повод называться славными.

Но чтобы убедиться фактически в том, что Славяне произвели это название от славы, рассмотрим несколько собственных имен славянских, принадлежащих лицам, городам и разным урочищам, в составление которых вошла слава как общее основание, около которого вертятся все действия народа; например: Брети—слав, Боле—слав, Бури—слав, Богу—слав, Влади—слав, Все—слав, Венде—слав, Вече—слав, Врати—слав, Греми—слав, Добро—слав (это был Стефан, Князь Сербский, Византийцами названный Буе—славом), Любо—слав, Мсти—слав, Мече—слав, Миро—слав, Прими—слав, Рости—слав, Свято—слав, Сули—слав, Собе—слав, Суди—слав, Славо—мысль, Славо—мир, Уни—слав, Яро—слав, Пре—слава, Перея—славль, За—славль, Бри—славль, Яро—славль, Рос—славль (на Лабе, ныне Росслау). Сла—венск, Славяно—сербск, Славенское озеро, Славенские ключи, Сла—витино (село Новогодорской губернии), Славенка (улица в Новгороде). Сюда же можно отнести и Чести—бор, Хвалисы и Хвалисское море, иными называемое Хвалынским.

Возможно ли допустить хотя бы тень сомнения в том, что все эти имена были произведены от славы? И наоборот: можно ли допустить, чтобы хотя бы одно из этих имен было произведено от слова? В первом случае каждое имя выражает особое отношение славы к житейскому быту, а во втором все эти имена означали бы бессмыслицу.

Мы видим, что Стефан, Князь Сербский, получил от славян еще прилагательное имя Доброслав, как эпитет его характера. Предположив и, кажется, безошибочно, что все приведенные

нами имена суть эпитетные, мы еще более убеждаемся, что они произведены от славы. И вообще эти эпитетные имена Славян образовались на том же пути, как у иностранцев прозвища: лысый (Карл), толстый (Карл), рыжебородый (Фридрих), птицелов (Генрих), молоток (Карл), синезубый (Гаральд третий), синяя борода (Генрих), заячья нога и пр. Но поставьте в параллель Славянские эпитетные имена с иностранными: какая разительная противоположность, ясно говорящая в пользу Славян и ставящая их не только вышеnomадов, но и много выше тех народов, для которых казалось приличным давать такие пошлые эпитетные названия, как толстый, лысый и пр.

Но дабы сильнее подтвердить, что в славянских именах заключался почти всегда не только глубокий смысл, но и характеристика народа образованного, приведем здесь несколько примеров.

Имена, свидетельствующие о гостеприимстве Славян:

Буди—гость, Цели—гость, Добро—гость, Греческий полководец (из Антов) против Персов в 555 г. (Агапий). Радо—гость, Любо—гость, Госте—вид. Сюда же должно отнести и название заезжего купца — гостем, свидетельствующее, что славяне покровительствовали и торговле.

Имена, свидетельствующие о миролюбии славян:

Буди—мир, Брани—мир, Драго—мир, Радо—мир, Рати—мир, Звони—мир, Люби—мир, Миро—вей, Тати—мир (959-го года военачальник в Византии), Яромир (Кн. Ружан, 1259).

Имена, свидетельствующие, что качества душевые были высоко чтимы Славянами:

Добро—влад, Духо—влад, Душе—влад, Само—влад, Любомысл, Все—влад, Радо—влад, Радо—мысл, Мило—дух (князь Сербов), Влад— дух (князь Вендов, 772), Все—мил (князь Гломачей).

Имена, свидетельствующие геройство, быстроту и властолюбие:

Чести—мир, Влади—мир, Мой—мир (князь Моравский), Власти—мир, Кази—мир, Хоти—мир (племянник князя Хорутанского, 725), Громо—бой, Скало—гром. Рого—влад, Сокол (у Вендов Рюрик, у Бодричей Рёрик), Орлик, Гром.

Но спросим еще: у какого народа, кроме Греков, есть имена Веры, Надежды, Любви или Осмомысла (мыслящего за осмерых или имеющего на каждое дело восемь мыслей), Всемысла (мыслящего обо всем), Премысла (перемысливающего все) (Чешский Князь, 750), свидетельствующие вместе с прочими именами, что Славяне глубоко рассуждали о всех фазах жизни человеческой, о всех изгибах души и сердца; что они были гостеприимны и миролюбивы, но храбры и отважны, любили славу и похвальбу, чтили душевые достоинства, преданы были вере, но вместе с тем были и властолюбивы.

На что нам тут сказания разных историков о характере и духе славянских племен; все это ясно видно из имен славянских, дышащих высокою, разумною жизнью.

Но для проверки нашего вывода приведем слова древних писателей: Геродот говорит, что достойнейшие люди, каких он только знал лично, все были Скифы. Что Скифы никто иные, как Славяне, мы старались объяснить в статье: Скифы, Сарматы и пр.

Прокопий говорит, что Славяне не злы и не хитры, но откровенны и добродушны.

Самые даже враги Славян Маврикий и Гельмольд утверждают, что Славяне к чужим странникам были благонамеренны и заботливы и всюду их провожали.

Следовательно, и у иностранных историков главная черта славян состояла в простоте без злоухищрений и обманов, в откровенности, услужливости и человеколюбии.

Далее из истории мы видим, что законы и обычаи Славян дышали добром, что они верили в бессмертие души и в воздаяние в будущей жизни.

В числе древнейших Славянских законов и постановлений было и то, что каждый пленник, в чьих бы он руках ни был, пользовался независимостью, ступив на Славянскую землю.

Этот образ мыслей, которым кичится Англия в настоящее время, составлял прирожденное чувство

Славян более, нежели за две тысячи лет до нашего времени.

Такое человеколюбие могло бы сделать честь и просвещеннейшим тогда Грекам и Римлянам, но, к сожалению, оно было чуждо этим просвещенным, но по образу действий своих варварским народам.

Германцы поступали с своими пленниками не лучше Римлян; они всех покоренных ими Славян обратили в рабов, и остатки этого рабства сохранились и по сие время в сильной степени в Оsnабрюкском округе в Ганновере, в Силезии и во многих других местах Германии.

В заключение скажем, что Славяне никогда не заимствовали имен для себя у иностранцев, напротив того, Германцы и Скандинавы ввели в свой быт множество славянских имен, как, например, Ratwald (Радовлад), Ragnwald (Роговлад или Рогволод), Welemir (Волимир), Zwentibold (Святополк) и множество других.

Но, впрочем, над какою истиной ни трудился ум человеческий или, лучше сказать, его неразумие, чтобы поколебать ее в своем основании; может быть, и теперь найдется какой-нибудь новый Байер, который станет доказывать, что Славянское имя Осмомысл произошло от шведского Osmak (противный запах).

В дополнение всего, сличим теорию составления Славянских имен с таковою же у nomadных народов; мы найдем тут, что у последних собственные имена состоят из подражания случайно до них дошедшим звукам или выражают предметы, самые обыкновенные из жизни человеческой, близкие иногда даже к хрюканью и мяуканью. Для примера приведем рассказ одного немецкого путешественника в ордах Киргизских: у хозяина его квартиры родился сын, которому отец долго не давал имени. В это время пропала у путешественника его собака, воротившаяся через три дня опять домой. Путешественник, увидав свою собаку, воскликнул: *bist du da!* Это произнесено было в присутствии Киргиза, который, вслушавшись в означенные слова, тотчас нарек сыну своему имя Биштуда.

Когда путешественник спросил хозяина своего, отчего он назвал так сына, тот отвечал, что он выжидал, когда услышит какое-либо слово, нравящееся ему, чтобы обратить таковое в имя сыну своему, и, слышав сегодня это слово от него, воспользовался им.

После всего этого только невежда может утверждать, что в 9-м веке Славяне былиnomады! Нет, не приводя никаких других доказательств, нам служат одни уже имена славянские характеристикою их и свидетельствуют о глубоком их мышлении; а такое основательное и многостороннее мышление, в свою очередь, доказывает, что славянский народ за много веков до того времени был уже на высочайшей степени образованности, что подтверждается и, с другой стороны, богатством славянского языка и развитием его слова.

Заключим это рассуждение тем, что слава славных не пройдет от зависти и клеветы неразумных врагов их!

Древняя письменность Славяно-Руссов, Троя, Трояне, Илиада, Омир

III лецер, не обдумавши, утверждает, что Славяно-Руссы девятого века были номады. Не станем опровергать этого мнения голословно, но постараемся привести столько фактов, чтобы достаточно было для убеждения каждого в том, что у Славяно-Руссов грамотность древнее, нежели у всех западных народов, даже древнее грамотности римской и греческой.

А что у Славян была грамотность не только до общего введения между ними христианства, но и задолго до Рождества Христова, в том свидетельствуют акты, возводящие грамотность Славяно-Руссов от десятого века назад — до глубокой древности, через все темные периоды истории, в которых изредка, кое-где, но ясно проглядывает элемент Славяно-Русского народа с его характеристическим типом.

Начнем наши доводы:

- 1) Черноризец Храбр, живший в 10-м веке, говорит: Славяне погани (т.е. идолопоклонники) суще чертами и резами чтяху и гатаху.
- 2) Константин Порфиородный говорит, что Хорваты тотчас по принятии Христианства, следовательно, прежде чем могли научиться грамоте, собственными подписями подтвердили свою клятву Папе не воевать с другими народами.
- 3) Титмар, описывая храм Ретры, говорит, что внутри его стояли идолы и на каждом из них было написано его имя. — Впоследствии снимки с этих надписей были многократно издаваемы печатно.
- 4) Массуди при описании Славянского храма в золотых лугах говорит, что там на камнях начертаны были знаки, которыми обозначены были будущие дела, т.е. события предсказанные.
- 5) В договоре Игоря с Греками сказано: «Ношаху сли

печати златы, а гостіе сребряны: ныне же увидел есть Князь
ваш посылати грамоту ко царству нашему: иже посылаеми сице,
яко послах корабль селько...»

6) Место в договоре Олега с Греками, где сказано: «о работающих
в Грецах Руси у Христианского царя: аще кто умрет, не урядив своего
имения, ци и своих не иметь, да возвратить именье к малым
ближникам в Русь. Аще ли створить обряжене, таковой возметь
уряженное его, кому будет писал наследите именье, да наследуе».

7) Ибн-Фодлан, писатель X века, пишет, как очевидец о Руссах
дохристианских, что они на столбе намогильном писали всегда имя
покойника вместе с именем Князя.

8) В житии св. Кирилла, в списке, хранящемся в Рыльском
монастыре, сказано, что он прежде отправления в Моравию был в
Херсоне и: «Обреть ту Евангелие и псалтырь Роушкими писмены
писано и человека обреть глаголюща тою беседою, и беседовав с ним
и силоу рече прием, своей беседе прикладае и вскоре начать чисти и
сказовати и дивляхуся ему Бога хваляще», — из этого явствует, что
Руссы имели не только письмена до Кирилла и Мефодия, но были
уже и христиане до пришествия его в Моравию; ибо имели уже на
своем языке Евангелие. Это обстоятельство согласно и с церковной
историей, говорящей, что Руссы Черноморские имели уже свою
церковь в 4-м веке.

9) Что славяне имели уже письмена задолго до Кирилла и
Мефодия, свидетельствуется весьма старыми славянскими
письменами, находящимися в Мюнхенской библиотеке.

10) В Чешской песне «Суд Любушки», дошедшей к нам в
списке 9 века, у престола этой княжны во время народного собрания
стояли две судные девы; у одной из них был «меч кривду караючи»
(меч, кривду карающий), у другой «дески правдодатне» (доски
закопов). Это значит, что законы Чехов были уже писаные.

11) В 6-м веке Византийцы говорят уже о северных Славянах
как о народе образованном, имеющем свои собственные письмена,
называющиеся буквицею. Корень этого слова сохранился по сие
время в словах: буква, букварь, буквально и даже во второй
букве алфавита (буки).

12) Со 2-го по 7-й век мы часто находим у Скандинавов и Византийцев намеки, что Славяне были образованный народ, обладали многими знаниями и имели свои собственные письмена.

13) Царь Скифов (1) вызывал Дария ругательным письмом на бой еще в 513 году до Рождества Христова (2).

14) Что жрецы и мудрые между славян писали народные законы на деревянных дощечках; что употреблялись у них руны для предсказаний. И вообще в скандинавских сагах Винетов называют образованными людьми.

15) Что древние Руссы действительно писали на деревянных дощечках, то подтверждает нам Ибн-Эль-Недим, приложивший к своему сочинению снимок с письма Руссов, найденного им у одного кавказского жителя врезанным на белом дереве.

16) Наконец, что все древние племена Славян имели свои рунические письмена, есть уже теперь дело несомненное, сознанное даже и Германцами, оспоривающими каждый шаг просвещения славянского.

Только наши домороценные скептики, кончившие изучение истории еще в школе, уверяют, что все руны должны быть скандинавские. Но прочли ли эти велемудрые толковники хотя одну руническую надпись? Видели ль хотя бы одну? — это подлежит еще сомнению. И сам Шлецер — этот отвергатель всего, возвышающего Славян над другими народами, не смел не согласиться вследствие свидетельства Геродота и других греческих писателей, что многие скифские племена знали грамоту и что и сами Греки приняли алфавит от Пеласгов, народа также скифского, или, что все равно, славяно-русского происхождения.

Из всего, здесь выведенного, явствует, что Славяне имели грамоту не только прежде всех западных народов Европы, но и прежде Римлян и даже самих Греков и что исход просвещения был

(1) В статье о Скифах помещены доводы, что этим именем Греки назвали Руссов.

(2) Ктезий.

от Руссов на запад, а не оттуда к ним. И если что остановило на время просвещение Руссов, то это были периоды губительных нашествий Персов, Греков, Римлян, Монголов, истреблявших все огнем и мечом; равно внутренние раздоры, оканчивавшиеся всегда всеистребляющими пожарами; периоды, в которые утратили Славяно-Руссы не только свои драгоценности вещественные и вынуждены были вводить у себя на время кожаные деньги, но и сокровища литературные, на которые мы встречаем намеки в разных позднейших сочинениях, которыми, по-видимому, пользовался отчасти и творец игориады, и которые в искаженном виде сохранились в изустном предании народа уже в форме сказок, но сохранивших еще всю пийтическую красоту свою и силу в тех местах, где гладкостью и звучностью стиха он невольно залегал в памяти каждого. Таково на примере описание красавицы или коня, которое нисколько не уступает описанию коней Ахиллесовых в Илиаде.

Теперь перейдем к рассмотрению Троянского народа.

Известно из истории, что Трояне назывались сперва Пеласгами, потом Фракийцами, после того Тевкрами, затем Дарданами и, наконец, Троянами, а остатки их после падения Трои Пергамлянами и Кемеянами; ибо Кемь и Пергам построил Эней после падения Трои и в них поселились Трояне, избежавшие гибели в Илионе.

Эти факты заимствованы как у греческих и римских историков, так и из самой Илиады. Греки называют Троян, Македонцев и Фригиян Фракийцами, да и сами Трояне так же называют себя, а вместе с тем и подвластных себе Фригийцев и союзных Македонцев.

Если бы мы даже и не знали, что Фракийцы происходят от Пеласгов, то и тогда на вопрос, кто же были фракийцы, мы отвечали бы по историческим фактам так: у Фракийцев, равно как и у Пеласгов, мы встречаем множество племенных названий чисто славянских, между которых, по Геродоту, есть Руссы и Руссины. Кроме того, Фракийцы носили чубы, как Малороссияне; могилы у них делались насыпью, как вообще у всех Славян; при погребении покойников соблюдались все славянские обряды и даже нанимались плакальщицы.

На бой они выходили преимущественно пешие; вооружение у них было славянское. Это подтверждается всеми древними историками; следовательно, Фракийцы должны были быть Славяне. Но теперь, имея выводы Apendini о том, что Фракийцы и Македоняне говорили славянским языком, и подробнейшие выводы Г. Черткова о Пеласго-Фракийском племени, мы убеждаемся несомненно, что Фракийцы были славяне, следовательно, и Трояне также (1).

Относительно славянства последних заметим еще в дополнение, что два сына Приамовы носили имена чисто славянские, а именно Троил и Дий. Первое имя сохранилось у нас на пушке, стоящей в Московском Кремле; другое известно из славянской мифологии. Кроме того, военные игры, введенные Троянами в обычай итальянцев, названы этими *Trojani ludi* (Трояни люди). Только впоследствии из славянского слова «Люди» образовали Латины свое *ludo* (игра). Слово «Трояни» осталось без перемены, но уже отнесено было не к народу, а к свойству игры. Так точно слово «Швейцарец» перешло у нас на дверного стражи, именуемого швейцаром.

Рассмотрим теперь, к какому племени Славянскому принадлежали Трояне.

В Троянских владениях была река Рса или Раса. Везде, где сидели Руссы, мы находим и реку этого имени. Нынешний Аракс есть древняя Рса; по географии того времени означают тут народ Рось и страну того же имени, названных впоследствии Скифами. Аракс назывался Арабами Эль-Рас, Монголами — Орсай и Расха, Греками — Раса и Орос. Волга также называлась Рсою, когда подвинулись к ней из-за Каспийского моря Руссы и Унны; это же имя сохранила река Руса или Порусье в Новгородской губернии, где сидела Русь алаунская древнейшая; река Рось, впадающая в Днепр, где сидела Русь Днепровская или Поросяне; Русское море

(1) Не излишним будет заметить здесь, что ошибочно некоторые называют фряжские вина итальянскими. Фригийцы, а не Итальянцы, назывались у славян Фрягами; следовательно, фряжские вина суть славянские.

или Черное, где была Русь черная; река Руза в Моравии, где сидят и теперь Русняки; река Руза, составляющая правый рукав

Мемеля или Немана, называвшаяся, как говорит предание, этим именем от самого истока своего, по которой сидела, по всему ее течению Русь алаунская, перешедшая со старого жилища на новое место, дошедшая наконец до взморья и распространившаяся по нему налево до Русни, что ныне Фриш-Гаф (1), а направо, вероятно, вверх по всему заливу, где и названа она поморскою.

Это заставляет заключить, что и в Троянских землях сидела некогда Русь, следовательно, хотя часть Троян была племени Русского.

Но обратимся теперь к надписи на могильном камне Энея. Эта надпись разобрана и прочтена Г. Воланским верно, что может каждый желающий проверить сам на помещенном здесь в приложении снимке с нее. В этой надписи Эней призывает для охранения дома своего и детей высшее божество, называя его высшим божеством России — Эзменем. У древнейших Славян действительно почтился высшим божеством Ясмень, называемый иначе Язмень, Яшмун и Шмун, а те, которых считали происшедшими от него, назывались Яси, Язи или Азы. Из этого выводится следующее:

1. Что Эней троянский был не только Славянин, но именно Русс.
2. Что, следовательно, и жители Илиона были Руссы.
3. Что Язи или Азы, производящие себя от Яза или Язменя, Ясмуна, Яшмуна, Шмуна, божества Русского, также Руссы.
4. Что Язники — уменьшительное слово Язей — пересозданные неведением новейших историков в Язигов, Яцигов, а у некоторых племен Славянских — сообразно наречию их — в Ящагов, от Яшмуна, должны также происходить от Руссов. Это подтверждается еще и тем, что Язи или Язники были постоянно неразлучны с Роксоланами, т.е. Руссами алаунскими, или аланными, что нами подробно объяснено в статье о Руссах и Аланах.

Теперь обратимся к доказательствам того же предмета, но с другой точки зрения.

(1) Пифеас.

В песне о полку Игореве между прочим сказано:

«О Бояне, соловью старого времени! Абы ты сиа

полки ущекотал, скача славию по мыслену древу, летая
умом под облакы, свивая славы оба пола сего времени, рища в
тропу Троянию чрез поля и горы».

Из этого явствует:

1. Что певец Игоревых полков называет какого-то Бояна
соловьем старого времени — это значит певцом давно минувших
времен. Следовательно, Боян или описывал только древние события,
или и сам принадлежал к числу древних поэтов.

2. Но что Боян был древний поэт, мы видим из следующих
текстов:

«Скача славию по мыслену древу»

и

«Боян бо вещий аще кому хотяше песнь творити, то
растекашеся мыслию по древу».

Если переведем это на современный наш язык, то выйдет в
первом выражении: «скача соловьем по мысленному древу», во
втором: «Боян, возжелав воспеть кого-либо растекался мыслию
по древу».

Что должно подразумевать здесь под словом — древо?

Нет сомнения, что это слово не представляет собою ни параболы,
ни гиперболы риторической, а есть простое указание на то, что Боян
писал еще до изобретения папируса, а потому писал, по тогдашнему
обыкновению, на деревянных дощечках, на каковых писали некогда
и Руссы, по свидетельству Ибн-Эль-Недима.

Следовательно, Боян был древний поэт, ибо писал еще на
дощечках и, может быть, резами и чертами, как говорит черноризец
Храбр о письменах Славянских (1).

3. Далее мы находим в тексте Игориады:

(1) Обстоятельство, что Славяне писали резами и чертами, дает повод думать,
не принадлежат ли и клинообразные письмена Персепольские также к
древнейшим Славянским; ибо до ныне неизвестно имя народа,
употреблявшего подобные письмена. Но это подлежит еще
исследованиям.

«А бы ты сия полки ущекотал, ... рища в тропу
Троянию».

Это значит: если б ты воспел полки Игоревы, ты бы также воспел их, как и войну Троянскую, т.е. теми же тропами и фигурами, или тем же сладкозвучным языком.

А так как у нас из стихотворений о Трое только и есть одна Илиада, то мы можем не только предположить, но и утвердительно заключить, что Боян писал Илиаду.

Ошибочно заключил наш покойный историограф П.М. Карамзин, что слова «*в тропу Троянию*» означают: *in via Trajani* (в путь Траянов). Можно ли воспеть что в чей бы то ни было путь? Поют в склад и лад другого, но не *в путь*. Притом и самое правописание говорит, что речь идет о чем-то троянском, а не Траяновом. Да и дальнейший текст игориады «*вступила (обида) девою на землю Троянию*» ясно говорит нам, что речь идет об Илоне.

Итак, Илиаду писал Боян, а не псевдоним Омир.

Спрашиваем опять: не был ли Боян только переводчиком Илиады?

На это нам отвечает текст Игориады в двух местах: нет.

1. «*Летая умом под облакы*» ясно говорит нам, что Боян для собрания мыслей возносился умом до облаков при сочинении своем; чего переводчику не нужно, когда уже мысли лежат пред ним готовые, и нужны только слова для перевода их.

2. «*Боян же веций не 10 соколов на стадо лебедей пущаше, не свои вецие персты на живые струны вскладаше, они же сами князем славу рокотаху*» свидетельствует в свою очередь, что Боян был вдохновенный поэт, что ему нужны были для сочинения не силы фактические, а стоило только воодушевиться и струны под перстами его славили князя.

На вопрос: на каком языке была первоначально написана Илиада? — решительно отвечаем: не на греческом; ибо Ликург нашел первые 8 песен ее в Кеми, городе Троянском, построенном после падения Трои разоренными Троянами. Притом же греки в продолжение трех столетий от покорения Трои не знали об этом сочинении; неужели оно могло бы так долго укрываться от них,

если бы было их туземное? Хотя семь городов греческих и спорили о месторождении творца Илиады, но потому только, что в каждом из них найдено по несколько вариантов тех же кемеянских или кемских песен, которые легко могли зайти туда из Кеми, бывшей впоследствии во власти Греков.

Следовательно, Боян или Омир мог быть и не Грек родом и действительно он был Кемеянин, что подтверждают и сами Греки, говоря, что слово *Омир* не есть имя певца, а означает будто бы на кемеянском языке только слепца. Вот тут сами Греки говорят, что Илиада первоначально написана была не на греческом языке, иначе не могло бы иностранное для Греков слово, означающее не более как слепца, попасть в оглавление греческого стихотворения.

Поставив всеми этими доводами факт исторический, присвоенный Греками в пользу своей истории, в чисто нейтральное положение, продолжим наши выводы.

Имя Кеми, месторождения Илиады не только не чуждо славянскому миру, но даже повторяется и в самой России в разных местах, как, например, Кем—пни, городок в познанском округе, Кем—тендей, река в Иркутске, Кемь, уездный город архангельской губернии, озерко Кемское и речка Кемь в той же губернии, и несколько деревень того же имени.

Теперь возьмем опять для доводов Игориаду. Мы в ней далее читаем:

«Чили воспети было веций Бояне, Велесов внуче».

Здесь сочинитель Игориады называет Бояна, певца Илиады, Велесовым внуком.

Но Велес или волос был божество у Руссов, покровительствовавшее коням и волам.

Спрашиваем: станет ли Славянин, или лучше сказать Русс, называть Грека или вообще иностранца внуком божества своего, особенно тогда, когда Греки имели постоянные распри с Руссами и прочими Славянами?

По этому певец Илиады, т.е. Боян, должен был быть Руссом.

Далее в Игориаде мы читаем:

«Уже бо братие, не веселая година встала! Уже

пустыни силу покрыли. Встала обида в силах Даж-бога внука, вступила (т.е. обида) девою на землю Троянию.

всплескала лебедиными крылы на синем море, у Дона плащущи; убуди жирня времена. Усобица князем на поганяя погибе, рекоста бо брат брату: се мое, а то мое же; и начаша Князи про малое се великое молвити, а сами на себя крамолу ковати; а поганые с всех стран приходжаху с победами на землю Русскую».

Здесь автор говорит о тяжких временах, приводя в доказательство тому, что пустыни покрыли те места, где прежде процветала сила народная. — Но что же он причисляет к пустыням? — На это он сам отвечает ясно: «Троянию землю, окрестности синего моря и протяжение вдоль Дона», следовательно, Троянскую и Русскую земли. Что прибрежья синего моря были некогда заселены Славяно-Руссами явствует уже из преданий, сохранившихся в народных песнях и сказках, переносящих весь быт востока славянского на синее море, подобно тому как запад славянский концентрируется Дунаем. — Спрашиваем: что заставило его поставить Трою в одну категорию с Россией и даже назвать и ту и другую страны силою Даж-бога внука, т.е. Славяно-русского божества.

Ответ выводится сам собою следующий: то, что автор Игориады признает Илион не токмо Славянским, но даже Русским, как истину, давно известную и несомненную. Что Троя и Русь заняты были не только одним и тем же народом, но и одним его племенем; следовательно, Руссы были Трояне или Трояне были Руссы. Но как огромнейшее племя Руссов не могло все совместиться в Трое, а часть Руссов могла построить Илион, притом прозвания: Трояне, Дардане, Тевкры, Фракийцы и Пеласги не суть собственные имена народа, а только нарицательные, как мы видели выше, следовательно, Руссы есть племенное название народа, заселявшего Трою.

Это подтверждается, в избытток, еще и тем, что Трояне и Руссы имели одну общую мифологию, однозвучные и часто одинаковые имена, одинаковое оружие, обряды и обычаи.

Далее автор Игориады выводит, в каком виде вступила обида в земли Русские: в Трою девою — это намек или на

Гизиопу, похищенную Ираклом, или на Елену, увлеченную Парисом; в Россию вступила она притязаниями князей на доли, в дележе наследия, имевшими следствием междоусобия их. —

Здесь автор, сливая Трою и Русь воедино, в один народ, горюет, приводя, так сказать, к одному знаменателю бедствия, его постигшие.

Из этого явствует уже несомненно, что Трояне были никто иные, как Руссы.

Далее автор Илориады говорит:

«На седьмом веце Трояне вроже Всеслав жребий о девицу себе любу».

К чему вошло здесь летосчисление Троянского в таковое же Русское? Хотя трудно вывести из этого исходную точку летосчисления, давно было взятого от Троян; однако же несомненно должно заключить, что у Руссов и Троян было оно некогда общим и начиналось, вероятно, построением Трои, следовательно, опять тот же вывод, что Троя была Славяно-русская.

Этот вывод согласен будет и с доводом г. Воланского, полученным на пути, совершенно отличном от нашего, что Эней был Русс. Кроме того, имя Энея мы встречаем у славян, как, например, Эней-Сильвий, Чешский историк 1458 г. Юней — имя болгарское, часто встречающееся и теперь у Болгар.

Нет никакого сомнения, что Илориада на отечественном языке нашем была не у одного творца Илориады в руках, а у многих Руссов, но с нашествиями половцев, Монголов и почти всеобщим сожжением городов русских этот драгоценный древнейший памятник народной славы погиб безвозвратно. Но, впрочем, если бы кто вздумал отыскивать древний список Илориады, тот должен искать его преимущественно начертанным на деревянных дощечках или на пергаменте, изобретенном в Пергаме, городе построенном Энеем. Но, впрочем, он мог существовать и в позднейших списках.

Греция, достигши высшего своего образования, не могла достигнуть в творениях своих псевдонима, Омира, как же приписывать ей Омира в те времена, когда она была еще народ почти варварский. Просвещение Греции началось

только со времени падения Трои. Хотя впоследствии Греки и написали уже сами Одиссею, но она, несмотря на свое позднейшее появление, суха, местами шероховата, наполнена слишком грубыми вымыслами и очень растянута бесцветными картинами. Одиссея есть образец греческой поэзии, не выдерживающей параллели с Илиадою славянской. Это от того, что Славянам более свойственна поэзия, нежели всем прочим народам; можно даже сказать, что она составляет прирожденное их свойство. Возьмите любую чисто Русскую сказку и вы найдете в ней какое-нибудь место, дышащее высокой поэзией, например описание коня, красавицы — так, что невольно согласитесь, что это отрывок из поэмы. Конечно, почти все остальное в сказке уже изуродовано в изустном предании народа: сравните же описание коня в сказке с описанием коней Ахиллесовых в Илиаде и вы скажете, что оба они одного и того же творца, только в последнем заметно, что оно подвергалось нескольким переводам и обыкновенным при таких случаях переделкам, отчуждавшим его от родного типа.

Поэтому мы можем полагать, что много древних стихотворений обратилось в народные сказки, утратив в изустном предании красоты свои и сохранив их только в тех местах, которые по свойству своему у всякого легко залегали в памяти.

Видно и по истории, что просвещение Греции началось много спустя после покорения Трои. Та первая заимствовала образцы гражданственности, благоустройства и образования, подобно тому, как западные народы начали просвещаться после крестовых походов.

НОВГОРОД *и древность его основания*

Ирежде, нежели начнем наши доводы, приведем здесь слова г. Бодянского, взятые нами из предисловия его к переводу истории Червоной или Галицкой Руси, сочинения г. Зубрицкого.

Он говорит: «Новый Карамзин составит новое бытописание не одной какой-либо из шести Русей, но всей Руси, где каждой отведется должное место, поскольку она входит туда своею личностью и особенностью. Такая история, конечно, умерит несколько безотчетное поклонение истории западных народов, единственных, мол, действователей, покажет каждому, кто только нарочно не станет закрывать глаз своих, что и мы Русские, взятые все вместе, жили своей самостоятельной и самообразной жизнью, тут ровной и плавной, там бугристой и кипучей, а там самой огненной и бурной, смотря по обстоятельствам, вызывавшим ту или другую сторону нашего народного характера, то или другое наше племя; что и у нас разыгрывалась когда-то не хуже иных драма со всеми ее излучинами, неровностями и шероховатостью, что и мы были деятели, только деятели по-своему. А потому нас нельзя мерить мерилом Запада, судить и рядить по случившемуся и случающемуся там, требовать и от нас того, что там было доброго или худого, заставлять не только теперь, но даже и в прошедшем плясать по чужой дудке и погудке и, не находя сходного или не в таком обилии, виде и т.п., объявлять народом прозябающим, бессильным ко всему самобытному и только из особенного человеколюбия осуждать нас на склады и зады азбучные».

Конечно, мы, может быть, еще долго не дождемся нового Карамзина, предвещенного нам г. Бодянским, но на всех нас лежит обязанность приготовлять для будущего нашего историка,

хотя некоторые мелкие детали, могущие войти в великий чертеж Русского народа. Этих деталей можно извлечь множество из летописей и памятников.

Причина, по которой история Славяно-Руссов дохристианского времени так темна в общих летописях, заключается, во-первых, в том, что греческих и римских историков занимали преимущественно войны, грабежи, сожжения и истребления и они мало заботились о мирных добродетелях граждан; от этого Славяне, народ мирный, трудолюбивый, любящий домашнюю жизнь и хозяйство, так поздно вошел в очерк истории народов. Только мельком кое-где проглядывают светлые точки, озаряющие Славян. Эти светлые места произошли большою частью от бурных столкновений Славян с затронувшими их соседями. Во-вторых, Греки никогда не заботились узнавать настоящего имени сторонних для себя племен и называли их как кому вздумается. От этого часто встречаются такие названия, которые или означают только одежду того племени, или промышленность, или даже бранное название соседей — с переводом этих названий или и без перевода на греческий язык.

Новейшие германские историки стараются и эти блестящие точки, выказывающие славянский элемент возвышенным пред другими, затмить отвержениями, подозрениями и, наконец, бес совестною и беспримерною в ученом мире ложью. Но, к счастью, имеем мы двоякого рода источники к воссозданию древнего славянского мира: это летописи и памятники, которые говорят совершенно против них. Эти источники нужно сперва уничтожить, дабы дать возможность провозглашать дерзкую ложь и искажать величие и достоинства великого народа — великого не по счислению, а по делам своим в продолжение трех тысячелетий!

Доколь целы эти источники, дотоль будут находиться и люди, готовые защищать истину от нападений и очищать историю от втиснутых в нее бессмысленных и невежественных толкований.

К сожалению, должно сказать, что и некоторые славянские писатели, как Карамзин, Добрковский и другие, ведомо или неведомо, но несовершенно чужды этого греха. Но, может

быть, эти ученые боялись идти против тогдашних мнимых авторитетов. — Не говорим о некоторых новейших русских историках; пусть они, положа руку на сердце, сами скажут, отчего стараются развивать систему Шлецера и клеймить древних Славян печатью отвержения.

Можно бы дозволить себе вставлять в историю свои собственные догадки и заключения, но там только, где они согласны с здравым рассудком и вместе с тем не противоречат источникам и не опровергают их.

Шлецер говорит: Славяне в России жили рассеянно, как звери и птицы, и не могли иметь своих Князей. Он сравнивает их с американцами при Онтарио, с Киргизами и Каракалпаками. На основании Шлецеровских безотчетных идей, его последователи отвергли все достойное внимания у Славяно-Руссов и сообща признали их за безнравственных, зверообразных людей, трусов, не имеющих понятия ни о городской жизни, ни о промышленности и торговле. Постараемся опровергнуть все эти мнения по частям.

Некоторые из наших историков, опираясь на мнения Шлецера, утверждают, что Новгород построен во время пришествия Варягов, другие же полагают, что это случилось даже позднее. Наши выводы доказывают, что он построен за несколько веков до призвания Варягов и что мнение Шлецера основано на чистом произволе, вопреки всем летописям и сказаниям, вопреки даже здравому смыслу.

Предположение, что народ, имеющий города и торговлю, может бытьnomadным, есть химера, не заслуживающая никакого внимания, а человек, мыслящий подобным образом и изъявляющий при том претензию на мудрый критицизм в своем определении, походит на ребенка, считающего море за лужу, по которой он свободно бродить может. В таком мнении нет ни малейшего отблеска учености и рассуждения, и вместо света оно разливает мрак, больший прежнего, на историю.

Постараемся же теперь доказать, что Руссы и вообще все Славяне имели множество городов, знали грамоту, многие ремесла, занимались хлебопашеством, заграницею торговлею

и имели свои флоты, следовательно, вели жизнь не только гражданскую, но и строго политическую. Разберем все это по частям.

ГОРОДА

Что Славяне, населявшие Россию в 862 году, имели множество городов, явствует из летописей русских, греческих, латинских, немецких и скандинавских; приведем здесь некоторые места из таковых.

1) Варяги — Руссы нашли в России множество городов, из которых нам известны по летописям: Новгород, Киев, Белозерск, Ростов, Изборск, Смоленск, Полоцк, Муром, Любечь, Чернигов, Псков, Овручь, Старая Руза, Коростень, Вышгород, Переяславль и многие другие, имена которых хотя и не упомянуты в летописях, но сделаны на них намеки. Имя Переяславля свидетельствует, что Славяне Русские заботились еще до пришествия Варягов о славе своей.

Когда Ольга осадила Коростень, то велела объявить жителям его, что уже все города древлянские сдались. Следовательно, и Древляне это грубейшее славянское племя, имели много городов,ими самими построенных.

2) Баварский географ в 866 году насчитывает у Славян до 4000 городов, исключая Житичей (*Sittici*), о которых он говорит: *regio immensa, populis et urbibus munitissimus*. При этом случае он упоминает в числе Славян многих Руссов, как *Atto-rozi* (*Uti-Rozi*, *Udi-Rozi*, *Udini-Rozi*, *Uni-Rozi*, Унны-Россы) с 148-ю городами, (по мнению его, *populus ferocissimus*), *Vuillerozi* (Великоруссы) с 180-ю городами, *Zab-rozi* (*Sabbi-Rozi*, *Sabbei-Rozi*, Савейские Руссы) с 212-ю городами, *Chosirozi* (*Chosir-Rozi*, Хазары-Руссы) с 250-ю городами и *Ruzzi* (Руссы), число городов которых не обозначает.

3) По другим источникам, Бужане имели 231 город, Воляне 70 городов, Нареване 78 городов и Оуличи 318 городов. — Киев в 839 году, при осаждении его Козарами, был уже укрепленный город. Некоторые Византийские историки

говорят, что Киев построен в 430 году, другие же утверждают, что он построен до Р.Х.

4) Иорнанд еще в 6-м веке пишет о Новгороде. Он же говорит, что в 350 году Новгород был покорен Готами. Вот уже 500 лет существования этого города до призыва Варягов. Прокопий и Иорнанд говорят, что Славяне строили прочные деревянные дома и укрепленные города; первые привязывали их к земле, а последние служили обороною от неприятелей.

5) Тот же Прокопий и Маврикий в начале 6-го столетия говорят, что Славяне живут так же, как Римляне, Греки, Германцы и Кельты, в городах и деревнях и занимаются хлебопашеством, ремеслами и торговлею.

6) По всем почти историкам видно, что значительнейшие города России, Польши и Померании были уже в полном блеске еще задолго до христианства, не говоря еще о Винете, этом знаменитейшем городе.

7) Географ Баварский и Константин Багрянородный пишут, что когда Славяне вступили в Германию, а это было за несколько веков до призыва варягов, то они построили там множество городов, укрепленных и многолюдных, и каждый город обнесен был рвом, валом и палисадами. Эти Славяне, насильницы Германцев, шли из России и несли с собой ее искусство, а по Шлецеру они были номады.

8) Тацит в 60 году по Р.Х. говорит, что Германцы не знают еще городов; Славяне же строят прочные деревянные дома и укрепленные города для обороны от неприятелей.

9) По сказаниям многих писателей, уже в 6-м веке христианского летосчисления Славяне сидели от Дуная и Днепра на север до взморья; владели многочисленными укрепленными городами, составляли огромное народонаселение и считались самими Греками, еще задолго до введения христианства, в числе народов образованных, имевших даже свои собственные письмена, называвшиеся буквицею.

10) Еще Геродот описывает значительный город Славян – Будинов – Гелонъ, а это было почти за 500 лет до Р.Х.

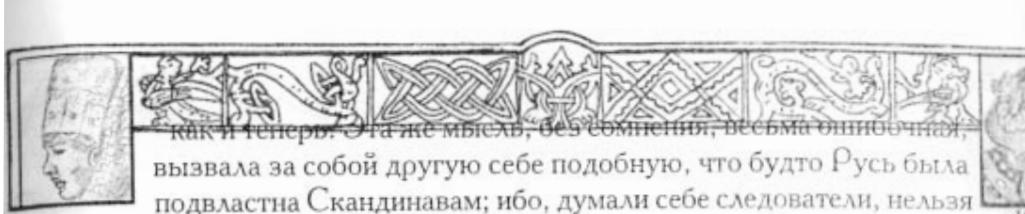
Если в то время город Гелонь был уже славный, то построение его должно отнести, по всему вероятно, по крайней мере, к одному времени с Римом, если не ранее.

11) Какой народ жил в то время в нынешней северной России, когда Скандинавы называли ее Gaardarikr, т.е. государство, из городов состоящее? Мы знаем, что Gaard — значит город, Gaarda — города, rikr — царство. Скандинавы сами же отвечают, что это Rÿszaland, т.е. земля Руссов. Что же удивляло Скандинавов, когда они бывали в Ризаландии? Множество городов и укреплений, т.е. то, чего не было у них самих, или недоставало им; ибо если бы у них было столько же городов, как и в Ризаландии, то незачем и давать ей эпитетное название Gaarderikr. Следовательно, когда Скандинавия не имела еще городов или и имела, но весьма мало, то Россия обилювала ими уже чрез меру, так что заслужила в глазах их название царства, состоящего из городов.

А что Россия была не только не скандинавского племени, но и не подвластна Скандинавам, это видно из того, что они называют ее не волостью своей, а царством, следовательно, отдельным владением, состоящим из множества городов, а по имени землею Руссов.

Не излишним будет присовокупить здесь, что на пространстве нынешней России, в стране Будинов и в разных других местах, были значительные торжища в городах, на которые съезжались купцы всех стран, следовательно, и Греки как народ, сильно занимавшийся торговлей. Скандинавские купцы ездили тогда в город Girkhia, Girkha, который новейшие историки принимали сперва за Грецию, а после уже стали говорить, что Скандинавы называли Россию Грецией. Судя по тому, как Скандинавы вообще ломали славянские слова, должно думать, что это город Карга, который, вероятно, получил вторую половину своего названия — поль — от тех же греческих купцов, ездивших туда торговать.

Но принятие слова Girkhia за Грецию дало некоторым повод толковать, что будто Скандинавы ездили из своего отечества прямехонько в Византию, причем они, вероятно, забывали, что Скандинавия отстояла от Греции и тогда на столько же,

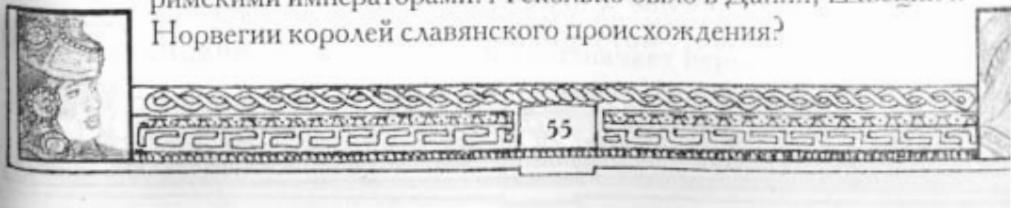

как и теперь. Эта же мысль, без сомнения, весьма ошибочная, вызвала за собой другую себе подобную, что будто Русь была подвластна Скандинавам; ибо, думали себе следователи, нельзя же Шведам так свободно разгуливать по чужой земле.

Так лепили Скандинавоманы к первой ошибке вторую, третью и наконец дошли до того, что провозгласили Россию скандинавским наследием, скандинавскими колониями (Rükert) и довели наконец до того, что хотят нас уверить, будто все Руссы в 11-м столетии говорили еще скандинавским языком (Münch). Остается ожидать от них еще, что станут уверять нас, будто настоящий язык наш есть наречие скандинавского, или что мы, Руссы, переняли славянский язык у перелетных птиц. Но об этом поговорим еще в своем месте побольше, а теперь перейдем опять к городам. По-нашему — где есть город, там живут уже не дики, где же множество городов, там народ должен быть образованный, занимающийся промыслами и торговлей; ибо без этих двух деятелей городская жизнь была бы очень не сладкая и горожанам приходилось бы погибнуть от голода и холода.

И так одно только безумие может произнести, что Славяно-Руссы были, во время призыва Варягов,nomads! Славяне — эти некогда наставники Римлян и даже более древних их Греков.

ЗНАМЕНИТЕ ЛЮДИ ИЗ СЛАВЯН

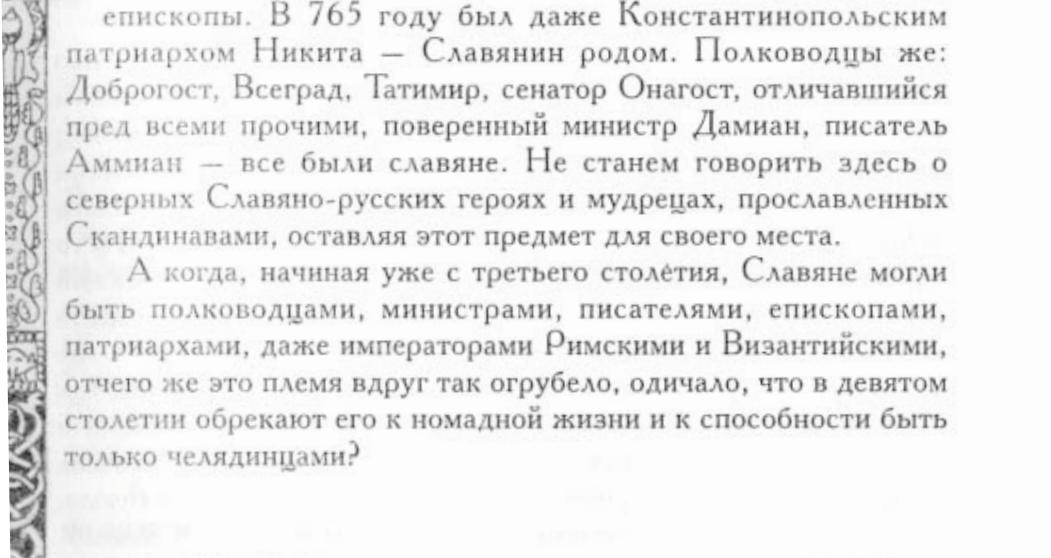
Более двадцати Славян возведено было на престол Римский; упомянем имена хотя бы некоторых: Юстин I, Клавдий, Кесарь-Север и Валенций — иллирийцы; Юстиниан, Юстин II, Проб, Максимиан и Валентиниан — паннонцы; Диоклетиан — далмат; Константин-Хлор — Русин. Славянское происхождение этих императоров признано всеми, а по свидетельству Гамзы и Геннезия, и император Василий был также Славянин. Одним словом, величайшие императоры римские последнего времени были Славяне, и легионы их отечества играли главную роль в Риме и Византии, составляя собою лучшее войско. После этого весьма понятно, что Царь Иоанн Васильевич мог иметь причину выводить свое родство с римскими императорами. А сколько было в Дании, Швеции и Норвегии королей славянского происхождения?

В 680 году на VI Вселенском Константинопольском соборе заседали и подписали этот собор славянские епископы. В 765 году был даже Константинопольским патриархом Никита — Славянин родом. Полководцы же: Доброгост, Всеград, Татимир, сенатор Онагост, отличавшийся пред всеми прочими, поверенный министр Дамиан, писатель Аммиан — все были славяне. Не станем говорить здесь о северных Славяно-русских героях и мудрецах, прославленных Скандинавами, оставляя этот предмет для своего места.

А когда, начиная уже с третьего столетия, Славяне могли быть полководцами, министрами, писателями, епископами, патриархами, даже императорами Римскими и Византийскими, отчего же это племя вдруг так огрубело, одичало, что в девятом столетии обрекают его к номадной жизни и к способности быть только челядинцами?

МОРЕХОДСТВО И КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ СЛАВЯН

862-м году призваны Варяги в Новгородскую область. Спустя несколько времени после того Оскольд и Дир отправились из Новгорода в Киев и уже в 864 году 200 вооруженных судов Русских были под Царь-Градом.

Из этого выводятся следующие заключения:

1) Если эти 200 судов были простые лодки или челноки, хотя даже и вооруженные, то весь экипаж такой флотилии не мог быть страшен для Византии; но судя по тревоге, произведенной им в Царь-Граде, должно заключить, что суда Руссов состояли уже не из рыбачьих лодок, но довольно порядочных морских судов, могших вместить экипаж, грозный для Греков.

2) Но построение и оснащение 200 военных судов — для экипажа, могущего делать нападение на

государство, подобное Византии того времени, требовало многих лет, а не одного года; следовательно,

должно заключить, что по пришествии Оскольда в Киев суда уже были готовы; ибо невозможно предполагать, чтобы они сделаны были мастерами, вызванными Оскольдом из своего отечества. Оскольд сколько-нибудь времени ведь пробыл же у Рюрика, пока попросился в Византию, потом нужно было ему довольно времени на водяное путешествие от Новгорода до Киева, нужно было пройти сколько-нибудь времени на выписку из своего отечества кораблестроителей, еще более времени нужно было на построение этих кораблей, оснащение их и отплытие из Киева к Царь-Граду. Чтобы сделать все это в два года, необходимо прибегнуть к русскому ковру-самолету и осуществить сказочную поговорку: тяп да ляп, построил корабль.

Что же остается заключить, чтобы не допустить сказочных действий вместо исторических событий? — Одно, что суда эти были уже готовы еще до прихода Оскольда. — А если Киевляне имели уже готовые суда до его пришествия, то они должны были хорошо знать искусство кораблестроения и, следовательно, не могли бытьnomadами; но составляли благоустроенное государство и вместе с тем морскую державу.

Как легкомысленны те историки, которые заботятся только об осуществлении своих идей всеми возможными натяжками и забывают при том время, место и пространство. По их мнению, устроить флот, научиться целому племени грамоте или даже сдвинуть огромный народ с родового места куда-нибудь в даль, за тридевять земель в тридесятное царство, так же легко, как подвинуть шашку по шахматной доске.

Что Славяне и Славяно-Руссы были знакомы с речным и морским плаванием, мы видим еще из следующих соображений:

1) Когда некоторые Руссы были данниками Козарам, то давали по Шлягу с дыму. Но как слово Шляг, Шляг и Сляг сохранилось и по сие время во многих губерниях в великороссийском наречии и означает перевозную лодку,

то значит, что Руссы издавна занимались построением судов для речных сообщений (1).

2) В Eimundar—Saga сказано, что когда Гаральд и Сигур-Ринг воевали между собой в 735 году, то в морской битве в заливе Бревилене участвовали и славяне с огромным своим флотом.

3) В 6-м еще веке Авары и Греки приглашали Славян для кораблестроения.

4) В 554 году Славянин Доброгост был греческим полководцем против Персов и командовал флотом (Агапий).

5) Славянин Рача прибыл со многими кораблями, по Траве, ограбил и сжег Любек.

6) Славянское племя Раны были знаменитые мореходцы; они отличались торговлей и богатством, но частью и морскими разбоями, за которые и взят их остров Датчанами. — Отличными моряками почитались также Вагры, страшные для всех своей храбростью и ловкостью управления судами.

7) За 300 лет до Р. Х. король Датский Фротон 9-й уничтожил флот Русского государя Траннора. А за 500 лет до Р. Х. при Фротоне 3-м Руссы и Гунны напали на Данию, царь Руссов Олимер начальствовал флотом, а царь Гуннов сухопутным войском (2).

Должно ли после всего сказанного приводить здесь слова Рюкerta, утверждающего, что будто Славяне не любили зыбкой стихии морей и боялись ее непостоянства? Для того разве, чтобы сказать во всеуслышание, что такая выходка называется вообще неуважением к святыне и неприкословенности исторических фактов, а в частности злонамеренною клеветою и невежеством! Стыдно ученым 19-го века действовать так безрассудно, пристрастно и злобно!

(1) Весьма ошибочно толкуют некоторые, что будто Шляг означает мелкую монету и происходит от Шиллинга.

(2) Sax. Gram.

ВОИНСТВЕННОСТЬ СЛАВЯН

С начала 6-го столетия славянские войска служили по найму у Византийцев. Стали ли бы Византийцы нанимать трусов для своей защиты?

Известно, что Вагры и Раны были страшны для всех своей храбростью. И Меларское озеро помнят Шведы, терпевшие там много горя от нападений Руссов. Даже Угры пришли в Европу под предводительством Славянских воевод, которых Германцы называют *Boëbodi*. Славянин Всегрд был в 554 году предводителем византийских сухопутных войск против Персов (Агапий). Тацит, Юлий Капитолин, Прокопий и другие пишут, что Славяне вступили воинственною ногой в Германию. Славянин Радогост первый попытался напасть на Римлян — этих грозных до того времени победителей мира. Его примеру последовали многие.

В начале 6-го века Руссы черноморские неоднократно нападали на Греков. Об этом пишут Иорнанд, Прокопий, Агафиас, Менандр, Иоанн Бикларский, Маврикий и многие другие.

Историограф наш Карамзин сам себе резко противоречит, говоря о Славянах, населявших Русь. Он называет их далекими от войны, мужества, довольными всем малым. Он этими словами повторил те же слова Шлецера, но старался только смягчить их, уничтожить их резкость; ибо далекими от войны и мужества бывают только трусы; довольными всем малым —nomads. — Но, описывая тех же Славян, оставивших северные свои жилища и воевавших с Грецией в VI веке, он решается сказать, что храбрость была их природным свойством и что она, с малой опытностью, торжествовала над искусством долголетним.

Если, по словам того же Карамзина, храбрость была врожденным свойством Славян, то она не могла быть им чуждою и на севере, в их отечестве. Неужели же южный климат пробуждает врожденную храбрость, которая спит в человеке, живущем на

севере, в огромных лесах, наполненных дикими зверьми, от нападений которых нужно защищаться? Кажется, что понимать должно обратно. Холодный климат требует большего движения и делает человека расторопнее, а южный клонит к неге и покою и тем усыпляет и деятельность и храбрость. Излишние физические возбуждения, свойственные южному климату, не составляют еще условий храбрости.

Прославляемый Скандинавами в Эдде герой Niord был Славянин венедского племени, а именно Нурийин (из Нурской земли); ибо славянская буква *у*, также *ю* у Скандинавов, всегда переменяется в *ио*, как, например, люд — *iiod*, тур — *tior*, блюдо — *biorid* и проч.

Наконец, приведем еще одно обстоятельство: Болгаре — Руссы называют Россию дядею Иваном, по Иван-Озеру, у которого сидели в начале христианской эры Руссы и из которого вытекает Дон, последнее седалище Болгар в России. — Эти Болгаре с 489 года стали нападать на Византийскую империю. Император Анастасий для защиты себя провел длинную стену перед Царь-Градом и наконец волею и неволею этот Imperator, Caesar, Flavius, Iustinianus, Alamanicus, Gothicus, Francicus, Germanicus, Anticus, Alanicus, Vandalicus, Africanus, pius, felix, inclytus, victor et triumphator, semper augystus — униженно платит дань Болгарам-Руссам. Надобно полагать, что они были не трусы, когда заставили трепетать перед собою гордую победами Византию, не находившую себе равенства в мире!

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СЛАВЯН

Славяне издревле занимались различными промыслами, даже предупревали в открытиях другим народам. Так, по сказанию Клементия Александрийского, прежде всех изобрели сталь Норопы или Норичи, жившие в Паннонии.

Славяне выделявали самые лучшие меха и кожи, особенно сыромятные, которые всюду были искомы. Плотничество, кузнечество, домостроительство, кораблестроение и горные

работы были ими весьма известны. В Данциге до сих пор употребляется экстракт, получаемый из золы букового дерева

посредством выщелачивания и кипячения, употреблявшийся еще во время пребывания Славян в Гданське (Danzig). Германцы по сие время не нашли ничего лучшего для замены его и сохранили по сие время как употребление этого экстракта, так и славянское его название «окрас».

В саксонском горном календаре на 1783 год сказано, что Славяне первые начали там обрабатывать руду и им принадлежали все первые горные разработки. Даже технические горные названия сохранились там по сие время вендо-славянские. Например, Bühne от бинучь (возвысить), Drum — от дречь (драть), Flötz — от пложичь (класть), Göpel — от гибачь (двигать), Hunt — от гон (гонт), Kalkow — от калков (кров, т.е. маленькая надстройка над шахтой), Säte — от десять (десять — означающее плетеную корзину, вмещающую в себе 10 мер уголья), Kutten — от кутло (кутень, т.е. место, где не видно жил руды), Kuks — от куск (кусок), Mark — от мерка (мера), Mulde — от мулда (горное корыто), Plautsch — от плавичь (плавить), Rabisch — от рубачь (зарубать метки), Schacht — от сход, Schurl — от жорло (родник), Schwaden — от швад (чад), Soole — от соль, Stufe — от ступье (ступень). Что это производство верно, то подтверждает не только ныне существующий живой язык Вендов, обитающих в горах саксонских, но и сами Саксонцы признают это (Pfarrer Streiter).

Следовательно, Венды занимались прежде Германцев горной разработкой.

В Мекленбурге (древнем Микилине), на южной стороне Толленского озера, в Приливце (ныне Прильвиц), найдены медные истуканы идолов славянских; следовательно, Славяне занимались не одними горными работами, но и плавильным и литейным искусствами.

Сочинитель жизнеописания св. Оттона говорит о славянских храмах в Штеттине следующее: там были четыре храма; главный из них отличался своим художеством, украшенный внутри и снаружи выпуклыми изображениями людей, птиц, зверей,

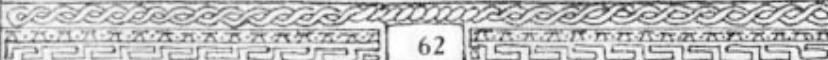
столь сходных с природой, что они казались живыми; краски же на внешности храма не смывались дождем, не бледнели и не тускнели. Спрашиваем: существует ли это искусство сохранять колорит на наружных стенах, где либо в Европе — у народов, почитающих себя на зените просвещения?

Не стыдно ли говорить, что Славяне были номады, невежды, на которых будто до пришествия мнимых Скандинавов не пало ни одного луча просвещения. Летопись Нестора потому уже заслуживает вероятия, что он начинает ее не сказкой, как просвещенные Греки и Римляне, а прямо с событий, незадолго до него случившихся и верно сохранившихся в памяти народа; поэтому он между общим введением и действительной летописью, как инок, добросовестно делает пропуск, отстраняя тем все, для него не совсем верное, и начинает сказание о Руссах, определяя год и соответствующие тому события в Византии. Нестор называет Новгородские владения всем обильными; что же должно разуметь здесь под обилием? Не леса же и земли, — разумеется, все то, что дают промышленность и торговля.

ТОРГОВЛЯ СЛАВЯНО-РУССОВ

Не подлежит уже никакому сомнению, что Славяно-Руссы дорюриковского времени имели сильную торговлю; доказательств на это приведено уже много некоторыми достопочтенными нашими историками, но мы снова повторим здесь все их доказательства с дополнением к ним и наших доводов.

Вся цель войны Руссов с Греками была не что иное, как желание оружием вынудить для своей торговли выгодный договор. Это мы видим из торговых трактатов, заключавшихся после каждой войны. Но народ, ищущий с оружием в руках выгодных торговых условий, не может почитаться ни варварским, ни номадным. А что Руссы действительно имели торговлю еще до призыва Варягов, явствует из того, что Олег, прибыв под Киев, назвался угорским купцом, желая тем завлечь Оскольда на свой корабль; следовательно, для Киевлян было уже обычным делом, что иногородние купцы приезжали к ним с товарами.

Кроме того, мы знаем, что около Ладожского озера и

Новгорода найдено множество куфических монет; иногда вырывали из земли целые кувшины с монетами, принадлежащими арабским Халифам и булгарским Саманидам. Многие из этих монет принадлежат 7-му и 8-му векам. Их огромное количество свидетельствует, что они попали туда по пути торговли и в это же самое столетие; ибо у магометан почитается высочайшею властью бить деньги, а потому каждый владетель собирал монеты предшественников своих и заменял их своими. По Днепру найдено множество арабских монет, в том числе и 639-го года.

Из этого следует: 1) что торговля в России существовала уже в 8-м даже в 7-м столетии; 2) что торговля Руссов была не меновая, а на деньги, следовательно, Руссы знали деньги; 3) что торговля была обильная, ибо доставляла возможность избытки обращать в клады (клади).

В большее подтверждение этих выводов скажем, что Руссы знали употребление драгоценных металлов, ибо а) послы их носили печати золоты, а гости (купцы) сребряны; б) Руссы выбивали золотые брактеаты для ношения на шею, и в Копенгагенском музее хранится несколько таковых, выбитых в честь Рюрика, Олега, Игоря, Ольги и Святослава; с) в 725 году Примислав Богемский бил уже серебряную монету; д) в Червонной Руси бита была чистая золотая монета без лигатуры, названная по этому поводу червонною и червонцем, для отличия от дукатов, распространенных под этим именем во всей Европе. Название: «червонное золото» сохранилось и по сие время на Руси как эпитет самому чистейшему золоту; е) появление в одной части Руси временного обращения кожаных денег есть только случайность, происшедшая от разграбления той страны монголами, обобравшими все металлы; следовательно, это обстоятельство должно быть рассматриваемо как следствие постигшего ту страну бедствия, а не как невежество народное; ф) наконец даже и Саксон Грам. говорит, что Русь еще до Р.Х. обиловала золотом; обилие же его в таких местах, где нет золотой руды, может появиться только от торговли.

Не излишним будет присовокупить здесь, что мы считаем ошибочным принятие некоторыми слова «безмен» за скандинавское, а самый этот снаряд за изобретение новейших времен. Безмен называется у Скандинавов *Biszman* — этому слову нельзя найти никакого корня во всех наречиях германского происхождения и если бы кто вздумал разделить его на два слова — на *Bisz* и *Mann*, тот заставил бы только смеяться над собой; ибо *Bisz* или *Biss* от *beissen* (кусать) — значит *укущение*, *Mann* — муж; можно ли из таких слов составить название для снаряда, употребляемого вместо весов? — Славянский же корень этого слова весьма легко определить, стоит только самое слово разделить на два, т.е. от существительного имени отделить предлог, и будет «без — мен», т.е. без мены, а на деньги.

И так не только вероятно, но даже несомненно, что Скандинавы сами заимствовали это слово у Славян и что безмен есть орудие, изобретенное Славянами в давние времена.

Что торговля Славяно-Руссов существовала еще до Р. Х., мы усматриваем из следующего.

В Европейской Сарматии Славяне имели четыре торговые вольные области: Винетскую (*Wolini, Waloini, Vulini*), Псковскую (*Peukini*), Новогородскую и Волынскую или Бугскую (*Budini*). Первая находилась на острове Винете, ныне Горланд, называвшемся также Волин (*Wolin* — вольный). Город собственно, названный германцами Винетою, именовался Выжба, ныне *Wisby*, впоследствии присоединившийся к ганзейскому союзу.

Гельмольд, почти современник Нестора, пишет, что Винета, на острове Волине, обиловала всякого рода торговлею, что в ней стекались народы всех стран и что она почиталась славнейшим и многолюднейшим в Европе городом. Действительно, на острове Готланде сохранилось до 17-го века предание, что с востока по Волге доставлялись туда все товары индийские, персидские и арабские. Неудивительно, что имя Волги сохранилось там так долго в памяти; ибо на Готланде есть и теперь река по имени Волжца. Вероятно, что Венеты сами когда-либо сидели на Волге и в память этого назвали свою реченку Волжицею,

или, может быть, применяясь к пословице (до которых Славяне большие охотники) «с моря да на лужицу», хотели выразиться, что товар идет с Волги да на Волжицу.

Видукинд называет жителей Волина *Waloini* (вольные); у аналиста Саксонского они названы *Vulini*. Эти писатели также утверждают, что Винета была древнейшей в Европе и сильнейшей по торговле славянский город, посещавшийся еще Финикиянами.

Древняя Винета или Выжба разрушена была в 1177 году датским королем Вальдемаром, и по падении ее она уже не могла оправиться сама собою, чтобы достигнуть прежнего величия, почему вошла в союз с Ганзою. *Sweno Agonis* называет ее *Hunisburg* (городом Гуннов), а Адам Бременский — скифским городом; это новые подтверждения того, что Винета была славянский город.

Что Новгород и Псков были такие же торговые области, мы это видим из наших русских летописей и из участия их впоследствии в ганзейском союзе, а равно и из сказанного о торговом пути Винеты чрез Волгу, следовательно, необходимо и чрез Новгород. Кроме того, есть сведения у некоторых византийских историков, что Новгород еще в 6-м веке славился особым богатством, чего без торговли быть не могло. Ничто иное, как богатство же Новгорода, привлекло к нему Готов, взявших тогда дань с него.

Четвертая область Волынская или Волинская была на Буге, у южных Будинов. Главный город ее, по Геродоту Гелонъ, неизвестен в настоящее время. Но что это была область, а не город, явствует из того, что впоследствии Дулебы, присоединившись к ней, прозвались Волынянами (Нестор). Но как самая торговля и торговые пути не бывают никогда постоянными, то таковой же судьбе подвергаются и торговые области и города. Волынская торговая область пала, по-видимому, прежде всех, потому что нет в летописях, по Р. X., и заметных следов ее торговли. За нею последовали и прочие.

Что Славяне могли иметь и имели непосредственную с Финикиянами торговлю, можно заключить из того, что последние торговали между прочих предметов и оловом, за которым сами ездили в Британию. Британия же с Винетою имели постоянные

сношения, а потому Финикияне, как прозорливые торговцы, верно не упускали случая и сами ездить в Винету. Одно уже название фиников ясно говорит нам, что либо Руссы, или, по крайней мере, Винетяне, имели прямое сношение с Финикиянами. Ибо если бы Славяне получали этот плод от Скандинавов или Германцев, то им неоткуда было бы взять для него названия финика, когда Немцы называют его даттель (Dattel), Датчане — даддель (Daddel), а Шведы — дадель (Dadel).

Но если же Россия получала финики, положим, даже не прямо от Финикиян, а чрез Винетян, то, судя по времени прекращения финикийской торговли, как древна должна быть торговля Руссов?

Что торговля Новгорода уже существовала до Р.Х., свидетельствуется тем, что в 58-м году до Р. Х. венетские купцы, потерпев кораблекрушение, брошены были на батавский берег, откуда и были посланы в дар Римлянину Метеллу; ибо в то время Венедами назывались и Новогородцы. Но если бы эти венетские купцы были даже и не новогородские, а прибалтийские, то, по приведенным выше обстоятельствам, по которым торговля у тех и других Венетов была общею, этот случай относится равносильно и к Новгороду. Ясно, кажется, что торговля Славян — Венетов, следовательно, и Славян — Новогородцев старее нашей эры.

Но Греки уже за 700 лет до Р. Х. получили сведение о торговле Славяно-Руссов янтарем. Это племя Руссов по поводу янтаря (Aost) было ими названо Aost-Rsi, для отличия от прочих племен Руссов, а после имени это перешло уже в Ao-Rsi, Aorsi. От смешения же названия Aorsi и Udi-(Uti) Rsi (1) произошли уже имена: Adorsi, Attorzi, Attorozzi и проч. Каждый историк путал их на свой лад.

ОБРАЗОВАНИЕ СЛАВЯН И ИХ НРАВСТВЕННОСТЬ

Мы старались объяснить состояние духа и характер славянского народа в статье «Славяне», а теперь спросим: неужели невежество, дикость и зверство могли произвести такие имена, столь

(1) Так назывались у Греков Унны-Руссы, или просто Унны.

громко звучащие сочувствием народа ко всем доблестям гражданским и военным и вместе с тем свидетельствующие, что честь и слава были исходными точками всех действий этого великого народа?

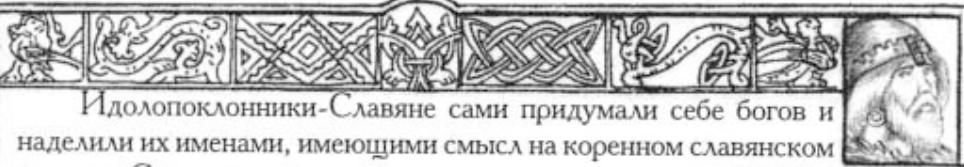
Но для большего убеждения сделаем параллель в ходе образования между германскими и славянскими племенами. Плинний, Тацит и другие говорят: Славяне занимались хлебопашеством и вели сидячую жизнь в то время, когда Германцы бродили дикарями. Славяне куда ни шли войной, везде обращались к земле и сообщали ей тип отечественных стран своих.

Феодальная система в Германии, или выражимся яснее: грабительство рыцарей началось тогда, когда этот дух притязаний на чужую собственность уже давно улегся между Славян и только на дальнем севере существовали его остатки и то уже соединенные с духом завоеваний с целью приискания себе новых жилищ.

Заря германского просвещения относится к 8-му веку — к временам Карломана. Но возьмите германское сочинение того времени и сравните его с переводом на славянский язык Св. Писания, относящегося — у Руссов — к более древним против 8-го века временам, и вы увидите, что славянская литература, судя по развитию языка, его силе, красоте, богатству, полноте и звучности, гораздо выше германской даже 17-го века. А самое богатство языка от чего же и происходит, как не от большего развития жизни умодеятельной; следовательно, умодеятельность Славян развилась ранее германской. Притом Скандинавы заимствовали у Славян множество слов, существующих уже у образованного народа, что будет нами подробнее объяснено в статье: Скандинавы. Влияние же славянского языка на скандинавские свидетельствует о том, что Славяне были образованнее Скандинавов.

У Германцев, в их дохристианские времена, военнопленных часто приносили в жертву, а у Славян они получали свободу немедленно по вступлении их на славянскую землю. Приведем хотя бы один пример этому: в 302 году одна римская гражданка была взята в плен Руссами, разграбившими несколько византийских селений и вилл; по прибытии на днепровские берега она получила немедленно свободу, не изъявив желания оставаться там. Это свидетельствует Nicomedes.

Идолопоклонники-Славяне сами придумали себе богов и наделили их именами, имеющими смысл на коренном славянском языке; а Скандинавы заимствовали у них всю свою мифологию, прибавив к ней только имена Славян, ими же возведенных в достоинство полубогов. От этого скандинавские боги и жили все на горе Иде, т.е. в древней Троянской Руси, и в Асгарде, т.е. у Азовского моря, между племени Азов или Язей, о которых впоследствии будем говорить подробнее, как о настоящих Славянах.

В Wanaheimr, т.е. к Венетам (к числу которых принадлежали и Новгородцы), ходили скандинавские герои и боготворимые люди для изучения мудрости. Это вы найдете подтвержденным в большей части скандинавских саг.

Спрашиваем: кто же у кого учился?

Но дополним эту параллель еще некоторыми особыми взглядами.
— Еще со 2-го и постоянно до 7-го века мы видим у Скандинавов и Греков намеки, что Славяне были образованный народ, что они обладали многими знаниями и имели свои собственные письмена.

Относительно христианства Руссов мы знаем следующее: когда в 861-м году Болгаре приняли христианскую веру, то с ними вместе приняла ее и значительная часть Руссов, с ними сидевших (Никита in via Ignatii и продолжатель Константина Багрянородного lib. 4. с. 33).

Жители при берегах Черного моря с 4-го века начали принимать христианство, а в 622 году все, в числе их находившиеся Руссы, были уже христиане (Hist. Eccl. Grec.). В 3-м и даже во 2-м столетии были уже храмы в Ливии, Дакии, Сарматии, Скифии и Фракии; следовательно, у славян и христианство нашло прежде приют, нежели в Германии.

Новейшие германские историки называют поступки Славян зверскими и приводят в пример убийство Анахарсиса, когда тот хотел ввести у себя в отечестве поклонение чуждому божеству. Об них можно сказать, что в своем глазу не видят бревна, а из чужого хотят вынуть спицу. Они забыли, что их просвещеннейшие в мире Греки и Римляне не только убивали, но подвергали жесточайшим мукам провозвестников

Св. Евангелия, видя даже чудеса, ими совершаемые! Спрашиваем: где более зверства? У Славян ли идолопоклонников, убивших

соотечественника своего, Анахарсиса (1), за введение им на Родине своей чуждого божества и поклонения ему или у учителей мира — Греков и Римлян, подвергавших своих соотечественников 8 веков спустя различным неслыханным до того смертельным мукам за принятие ими христианства?

ОБЩИЙ ВЫВОД И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хители Балтийского поморья Венеты-Славяне в 216 году до Р.Х., сильно теснимые Готами, должны были уступить им свои янтарные прииски и большую часть жилищ своих и волею и неволею куда-нибудь подвинуться.

Но как эти Венеты составляли торговый народ, то двинуться им внутрь нынешней Германии с тогдашних Славянских земель было невыгодно, почему они и избрали себе место на северо-востоке от старых жилищ, близкое к торговому пути в Азию; и эти выходцы начали селиться на Ильмень и Ловати (Птолемай). Вероятно, с того времени, по значительному расстоянию между этих двух поселений, разделились и интересы их, так что образовали две различные торговые области, какими мы их уже видим по прозванию варягов. Поселенцы на Ловати образовали Псковскую (2) общину, а на Ильмене — Новгородскую, называвшуюся прежде Славянской, а у скандинавов Венетской.

(1) Анахарсиса убил родной брат его, следовательно, здесь можно предполагать и другую причину его смерти; может быть, и не новое богослужение, а какой-нибудь семейный раздор был поводом к тому.

(2) Псковитяне были известны всем древним историкам под именем Певкинов (Peucini).

Хотя впоследствии, а именно в 166-м году по Р.Х., Руссы (Roxolani, Roxalani) (1), пришедшие к янтарным берегам, и выгнали Готов с поморья (Птолемай), но поселенцы на Ильмене и Ловати, в течение почти четырех веков уже усвоившиеся на своих местах, не искали прежних жилищ своих, а остались там, где, вероятно, торговля уже наградила их многими благами. У поселенцев ильменских построен был город, название которого Новград (заставляющего невольно отыскивать Старгра́да), мы узнаем только в 4-м веке, когда его громили Готы, под атаманом своим Эрманом (2), в свою очередь вновь вытесненные и двигавшиеся внутрь России.

Во время переселения Венетов на Ильмень и Ловать опустело несколько городов славянских близ Балтийского поморья, слывших под именем Градек, а впоследствии прозванных Старыми Городами (Старгра́д — ныне Stargard), вероятно, в противоположность Новграду. А это ведет к заключению, что город, построенный Славянами на Ильмене, назван тогда же Новым Градом для отличия от каждого Градека, ими оставленного и потому прозванного Старым Градом, или Старгра́дом.

Так как Славяне строили всегда города деревянные, что совершилось весьма скоро, то нет сомнения, что и Новград был построен при самом начале переселения славян на Ильмень, а потому и построение его должно отнести к тому же времени, следовательно, к 216-му году до Р.Х.

(1) Об этом будет подробно говорено в статье о Руссах.

(2) Напрасно называют все историки Готских владык королями и царями; сами Готы выражали это звание словом *Reik*, произносившимся как *rik* и означающим ни короля, ни царя, а нечто соответствующее греческому *άρχων* и казацкому атаман или гетман. Историки делают и вторую ошибку, прибавляя к концу имени каждого гетмана слово *rik*, как, например,

Король Эрманрик, Король Гильперик; в переводе это значит Король Эрман-Гетман, Король Гильпе-Гетман, но с большею подробностью мы разберем это в статье о Готах.

Из этого выводится построение Новгорода за 1098 лет до призыва варягов, а всего времени его существования по сие время (т.е. по 1854 год) 2099 лет.

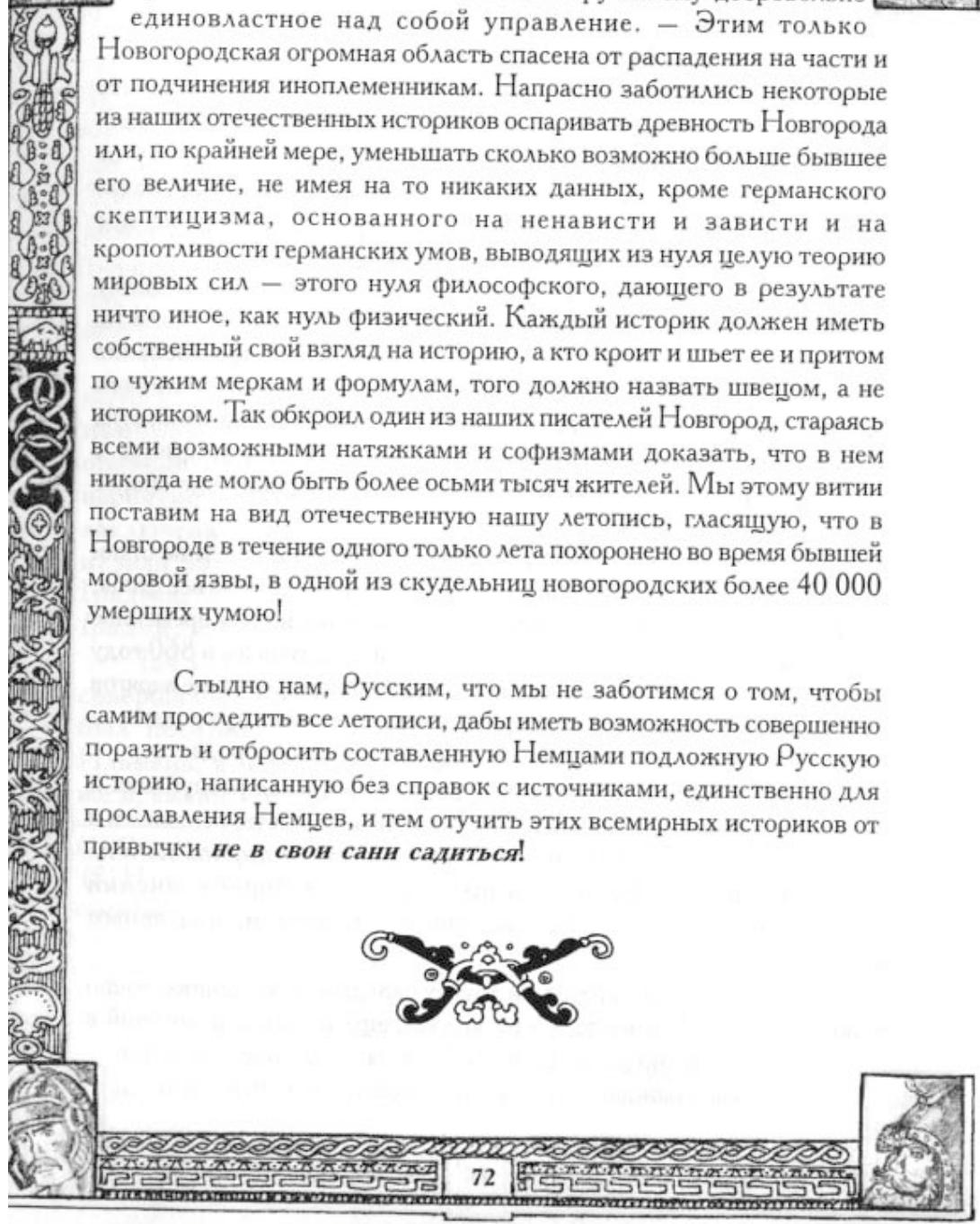
Что Новгород с самого основания своего вел торговлю и что эта торговля сильно возрастила, явствует из того, что знаменитейший торговый город Винета (Вижба) не мог по отдалению своему от торгового пути, шедшего через Россию, соперничествовать с ним, начал упадать и наконец до того обессилел, что в 1171 году не мог противостоять Датчанам, его совершенно разорившим.

По образцу Винеты и Волыни на Буге, а равно по последнему явлению Новгорода, во время призыва им варяг, должно заключить, что Новгород и во все время своего существования находился в одинаковом управлении, что и было причиной его скорого падения. Республика есть мечта даже при обыкновенных слабостях человеческих; но если республика начинает богатеть, то вместе с капиталами растут слабости и превращаются в пороки, еще скорее предвещающие ее падение.

И действительно, Новгород испытал при всем своем величии и судьбу шаткого своего управления; до нас дошли хотя не все фазы, кидавшие мрачную тень на этот Великий Новгород, но уже временное его покорение готским атаманом Эрманом, и платимая им в 860 году дань ясно характеризуют его бытие, а добровольное призвание варягов свидетельствует бессилие его борьбы с внутренними крамолами — этими обыкновенными явлениями в правлении такого рода.

Стоит только вспомнить, чем кончила Римская республика и сколько погублено в ней людей! Честолюбие и корысть, ненависть и зависть свободно посягали не только на достояние других, но и на самую жизнь их. Беспрестанные трения и борьба мнений оканчивались почти всегда или тайным убийством, или явным возмущением.

Точно то же мы видим и в других народных правлениях; точно то же было и в Новгороде, но Новгород, еще сильный и могучий в целом составе, но разъединившийся в частях, нашел средство спасти свою гражданскую жизнь, изменив политическую; он

призвал соплеменного себе князя и вручил ему добровольно единовластное над собой управление. — Этим только Новгородская огромная область спасена от распадения на части и от подчинения иноплеменникам. Напрасно заботились некоторые из наших отечественных историков оспаривать древность Новгорода или, по крайней мере, уменьшать сколько возможно больше бывшее его величие, не имея на то никаких данных, кроме германского скептицизма, основанного на ненависти и зависти и на кропотливости германских умов, выводящих из нуля целую теорию мировых сил — этого нуля философского, дающего в результате ничто иное, как нуль физический. Каждый историк должен иметь собственный свой взгляд на историю, а кто кроит и шьет ее и притом по чужим меркам и формулам, того должно назвать швецом, а не историком. Так обкроил один из наших писателей Новгород, стараясь всеми возможными натяжками и софизмами доказать, что в нем никогда не могло быть более осьми тысяч жителей. Мы этому витии поставим на вид отечественную нашу летопись, гласящую, что в Новгороде в течение одного только лета похоронено во время бывшей моровой язвы, в одной из скудельниц новгородских более 40 000 умерших чумою!

Стыдно нам, Русским, что мы не заботимся о том, чтобы самим проследить все летописи, дабы иметь возможность совершенно поразить и отбросить составленную Немцами подложную Русскую историю, написанную без справок с источниками, единственno для прославления Немцев, и тем отучить этих всемирных историков от привычки *не в свои сани садиться!*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Очтеннейшие читатели простят мне, что статьи о древнейшей Руси расположены не в хронологическом порядке, а как выходили из-под пера. Причина тому весьма простая — огромность Руси, рассеянной по всей Европе; ибо по моим исследованиям нет в Европе ни одного государства, в котором бы Руссы не селились не только домком своим, но и большим или маленьким царством. — Чтобы все эти исследования привести мне в последовательный порядок, требовалось бы еще по крайней мере пять лет времени. Лета же мои, давно подвинувшиеся на шестой десяток, заставляют спешить, чтобы исполнить то, что предпринял: начертать легкий очерк древнейшей Руси со всеми ее движениями по Европе, Азии и Африке. Может быть, уже не мне придется оканчивать этот труд, а потому и передаю публике то, что готово, надеясь, что и моя лепта на этом поприще ляжет в основание Славяно-русской истории и пособит очистить всю древнюю и среднюю историю от путаницы переселений и изуродованных имен лиц и народов и извлечь из этого конгломерата имен настоящих деятелей и вращателей событий, породивших новые народы и новые царства.